

A black and white close-up portrait of an elderly man with glasses, looking thoughtfully to the left. His hands are clasped in front of his chin. He is wearing a dark suit jacket, a light-colored shirt, and a watch on his left wrist. The background is blurred.

**Юрий
Вяземский**
**ВООРУЖЕНИЕ
ОДИССЕЯ**

**Философское путешествие
в мир эволюционной
антропологии**

Юрий Павлович Вяземский
Вооружение Одиссея.
Философское путешествие
в мир эволюционной
антропологии
Серия «Девятимерный
человек», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69275650

Вооружение Одиссея. Философское путешествие в мир эволюционной антропологии / Ю. П. Вяземский: Мир и Образование; Москва; 2022

ISBN 978-5-94666-945-0

Аннотация

«Я предлагаю вам интеллектуальное вооружение – научное, художественное, религиозное – главным образом для самопознания и определения своего места в мировой истории и, если угодно, во всеобщей эволюции жизни. К своему читателю я обращаюсь как к спутнику в нашем совместном исследовательском восхождении, как к соратнику по интеллектуальному переживанию так называемых вечных вопросов, на которые, возможно, и ответов не будет, пока

продолжается великая, увлекательная и многотрудная одиссея жизни.»

Это первая книга цикла «Девятимерный человек» философа, писателя, ученого, заведующего кафедрой мировой литературы и культуры МГИМО, автора и ведущего телеолимпиады «Умницы и умники» Юрия Вяземского.

Содержание

Вступление	6
Пролог	9
I	10
II	30
III	35
IV	42
V	49
VI	55
VII	66
VIII	81
IX	93
Вооружение одиссея, или Ормологическое введение в эволюционную антропологию	97
Часть первая	98
Глава первая	101
I	103
II	113
III	129
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Юрий Вяземский

Философское путешествие в мир эволюционной антропологии

*Моему учителю, другу и отцу —
Павлу Васильевичу
Симонову*

Издается по лицензии ООО «МИО-БУКС».

© Симонов Ю. П., 2022

© ООО «Издательство «Мир и Образование», обложка,
2022 © ООО «МИО-БУКС», 2022

Вступление

Здравствуйтесь, уважаемые друзья, мои телезрители и, возможно, даже читатели!

Ум человеческий, похоже, имеет генетическое происхождение. То есть умным человеком надо прежде всего родиться.

Но этого недостаточно. Ум свой, умницу, который (или которая, или которое – слово это общего рода) живет в тебе от рождения, надо постоянно вооружать, желательно, начиная с раннего возраста.

Чем вооружать? Знаниями? Да, разумеется, знаниями, причем, желательно, самыми различными по глубине, широте и высоте над обыденным.

Однако, и этого недостаточно. Надо постепенно научиться эти приобретенные вами знания сводить воедино, устраняя противоречия, которые неизбежно возникают у умного человека, соотнося накопленные знания с текущим моментом, с прошлым опытом и творческими предчувствиями и интеллектуальными ожиданиями. И главное – с пониманием самого себя, своих основных потребностей и личностных способностей. Иначе говоря, умному человеку надо мыслить системно, диалектически и исторически, соответствующим образом интеллектуально вооружившись.

Почти тридцать лет назад на основе психофизиологиче-

ской теории моего биологического отца и моего научного наставника и Учителя академика Павла Симонова я приступил к созданию собственной оригинальной антропологической системы, во главу угла кладущей девять базовых потребностей, не только определяющих и объясняющих поведение и мышление человека, но, как представляется, обуславливающих самое движение жизни, эволюционное восхождение биологического мира и историческое развитие человечества. Эту культурно-философскую систему я преподаю на разных факультетах Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), а в последние годы и в других высших учебных заведениях России.

Книга, которую вы держите в руках, была впервые опубликована двадцать лет назад. Но, как я надеюсь, за исключением некоторых пассажей, ничуть не устарела, да и не могла устареть. Потому что она носит поисковый характер. То есть я предлагаю вам интеллектуальное вооружение – научное, художественное, религиозное – главным образом для самопознания и определения своего места в мировой истории и, если угодно, во всеобщей эволюции жизни. К своему читателю я обращаюсь как к спутнику в нашем совместном исследовательском восхождении, как к соратнику по интеллектуальному переживанию так называемых вечных вопросов, на которые, возможно, и ответов не будет, пока продолжается

великая, увлекательная и многотрудная одиссея жизни. Вы для меня Одиссей – в первую очередь, а я, скорее, ваш спутник и, если угодно, оруженосец.

Об одном хочу заранее предупредить вас. В этой книге я попытался заложить онтологическую основу нашей с вами поисковой системы. А всякая философская онтология, как мне представляется, неизбежно грешит сложностью специального философского языка, без которого до сущностных глубин жизни, увы, не доберешься. Так что не извольте сердиться на автора, и если вдруг испытаете затруднение, советую: пролистните с десятков страничек – авось дальше будет полегче и попонятнее. Смею заверить вас: я теперь сам не всегда понимаю то, что у меня написано двадцать лет назад!

Обещаю, что следующие книги, которые я собираюсь предложить вашему вниманию, будут уже не онтологическими, а феноменологическими, то есть значительно проще. Но без этой книги, без той философской базы, которая в ней заложена, мы многое в них, будущих, не поймем.

Объявляю: следующая книга будет посвящена животным. А с них мы начнем наше восхождение к человеку.

С уважением и благодарностью, ваш Юрий Вяземский

Пролог

Вниз и вверх от мавзолея, или Размышления гуманитарного восходителя

*И вот идет, тропинкою, по краю, Между стеной
кремля и местом мук, Учитель мой, и я вослед
ступая.*

Данте. Божественная комедия. Ад

*И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле,
а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии
восходят и нисходят по ней.*

Быт. XXVIII, 12

*– Да, во-первых, хотя для руссизма: русские
разговоры на эти темы все ведутся как глупее
нельзя вести. А во-вторых, опять-таки чем глупее,
тем ближе к делу. Чем глупее, тем и яснее... Ум
подлец, а глупость пряма и честна.*

Ф. М. Достоевский.

Братья Карамазовы

I

Вот уже двадцать лет я задаю себе вопросы, на которые ответить пока не в состоянии.

§ 1

Началось это еще до так называемой перестройки. Шел я однажды по Гоголевскому бульвару в сторону метро «Кропоткинская».

И на одном из газетных стендов – тогда их множество стояло по всей Москве, – на одном из таких стендов увидел иллюстрацию: длинная очередь выстроилась к Мавзолею Ленина. Над иллюстрацией крупным шрифтом было набрано: «К ЛЕНИНУ ЗА СОВЕТОМ». Сотни раз до этого я видел подобные фотографии, и подпись не отличалась по тем временам оригинальностью. Но на беду свою я изучал тогда религию Древнего Египта. И замер перед стендом, пораженный множеством вспыхнувших во мне мыслей и ощущений.

За советом к мумии?! Да нет, метафора, не совсем удачная, конечно, но ясно же, что образное журналистское выражение. Хотя какая, к черту, метафора! Тысячи людей ежедневно стояли в многочасовых очередях, чтобы поклониться этой мумии. По праздникам на трибуне мавзолея торжественно появлялись вожди империи, жрецы единственно

верной в мире научной идеологии всего прогрессивного человечества. Когда-то на этой трибуне стоял Великий, Ужасный, Мудрейший, Любимейший, Божественный. И ночью в апреле 1961 года на Красную площадь приехал, и вошел в мавзолей, и попросил благословения у мумии, а потом отправился на космодром и впервые в истории человечества взлетел в космос и в вечность человеческой памяти Юрий Гагарин... Метафора?!

И мавзолей словно ступенчатый, как древняя пирамида Джосера, египетского фараона 3-й династии. И перед каждым крупным начинанием именно к мумии и натурально за советом приходили в Древнем Египте: благословит – начнем, неблагоприятные будут предзнаменования – отложим до лучших времен. Да и бальзамировали тело Ленина чуть ли не по египетским рецептам. И даже в имени почти что совпадение... «И сказал фараон Иосифу: вот, я поставляю тебя над всею землею Египетскою. И снял фараон перстень свой с руки своей, и надел его на руку Иосифа... велел везти его на второй из своих колесниц и провозглашать пред ним: преклоняйтесь!»¹. Ветхозаветный Иосиф стал вторым человеком после фараона – наш Иосиф сам себя офараонил и обожествовал, в строгом, заметьте, соответствии с древнеегипетскими религиозными представлениями, по которым фараон – не просто царь, не просто царь и жрец, не просто царь, жрец и сын божий, а царь, жрец, сын божий и бог, бог прежде всего! Земной бог, без приказа которого и Нил не разольет-

ся, и поля плодоносить не будут, и «никто не двинет ни руки своей, ни ноги своей, во всей земле Египетской»².

А когда умер наш Иосиф, «столица безмолвствовала, сердца скорбели... придворные сидели, склонив голову, народ стенал»; «меркнут звезды, небо к земле приникло...» — кто из свидетелей похорон Сталина описал их столь красочно, как это сделал древний египетский писец?³

О том, что марксизм, дополненный, а точнее, искаженный ленинизмом, в нашей стране превратился в своего рода религию, уже в 1920—1930-х годах писал Николай Бердяев. Русское христианство, дескать, изначально заключало в себе некие коммунистические предпосылки, вернее, русское религиозное сознание было предрасположено к тому, что с приходом к власти большевиков проявилось вдруг с уничтожающей своей стороны, вспыхнуло любовью-ненавистью, взорвалось взаимопожирающими противоречиями, рабское смирение обернулось вселенским бунтом, топор взметнулся над иконой, народ-богоносец, воспетый русскими писателями и философами XIX века, вдруг такого «русского бога» преподнес миру, что плач и скрежет зубовой наполнили сначала всю Россию, а затем апокалиптическим ужасом повеяло на юг, на запад и на восток... Что толку пересказывать — читайте «Истоки и смысл русского коммунизма».

И едва началась так называемая перестройка, многие стали читать и перечитывать, и все в один голос закричали: религия, ох, страшная какая религия! О ней, кстати, еще до

Бердяева предупреждал Достоевский, писавший обер-прокурору Святейшего синода Победоносцеву: «...мы говорим прямо: это сумасшествие, и между тем у этих сумасшедших своя логика, свое учение, свой кодекс, *свой Бог даже* (курсив мой. – Ю. В.), и так крепко засело, как крепче нельзя»⁴.

Но чем дальше я читал и вчитывался, тем больше во мне возникало вопросов, на которые ни Бердяев, ни Достоевский ответить мне не могли. И я сейчас эти вопросы постараюсь перечислить, ибо они-то и перегородили русло моей писательской жизни, заставили отложить в сторону задуманные романы, повести и пьесы.

§ 2

Эта новая и страшная религия, откуда она пришла? Почему именно в России проявилась? Каковы составные элементы этой коммунистической религии, которую Бердяев, кстати сказать, лишь провозгласил, но которую систематически ни он, ни кто другой, о религиозности коммунизма (марксизма-ленинизма-сталинизма) твердящий, описать не потрудился; то есть каковы ее мифика, теология, литургия, агиография, гомилетика, эсхатология и так далее? И одна ли то религия – ленинизм и сталинизм, а может быть – совершенно разные? Ленин-то фараоном не был, мавзолеем себе не строил и вообще, если уж сравнивать его с библейскими образами, скорее похож был на Иисуса Навина, верного спо-

движника Моисея, ведшего израильский пролетариат на завоевание Земли Обетованной.

То есть для того чтобы исследовать одно из ужаснейших религиозных помрачений XX века, недостаточно искать его корни в христианстве, надобно многим глубже опуститься, из Нового Завета в Завет Ветхий, потрудиться заглянуть в бездну исторического прошлого, куда Бердяев заглядывать не стал. Не счел нужным? Не захотел? Убоялся?

§ 3

Возможно ли религиозное движение вспять? Как оно рождается, какие знамения ему сопутствуют, как видоизменяются люди, идущие против течения религиозной жизни? Ленин ли повел Россию в Землю Обетованную, а на самом деле назад, в пустыню, к фараонам и рабству египетскому? А может статья, движение зародилось многим раньше – при Петре, при Иване Третьем? А вдруг идти вспять и не требовалось по простой и страшной причине, что Россия-Русь христианской никогда и не была, а всю свою историю блуждала между Египтом и Мертвым морем, и лишь чудилось ей, что христианская она, фатой-морганой от голода и тоски возникал перед ней идущий впереди не то Ангел Господень, не то сам Иисус Христос...

Так идут державным шагом —

Позади голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за выюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвыюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди —...⁵

...У Блока-то впереди явно Антихрист. Ну, в крайнем случае, Иисус Навин, кровавый завоеватель Палестины, боговдохновенный убийца «нечистых» народов.

Какой-то монах сочинил, и все с тех пор повторяли: Москва – Третий Рим. А вы уверены, что таки Рим, а не Вавилон с его апокалиптической Блудницей, сидящей на спине Зверя, или Мемфис с мумиями владык, любовью-ужасом к фараону и людьми-винтиками, людьми-номераами, торжественно и монолитно марширующими безликими массами, муравьиными полчищами, заключенными в абсолютную власть Благодетеля, но радостными, упоенными своей личной кабалой и вместе с тем своей коллективной свободой от прошлого и будущего, от греха и раскаяния, от любви и сострадания, от совести, от Бога? И это не Сталин теоретически обосновал, не Оруэлл с Замятинским описали в своих романах-антиутопиях, не Достоевский предрек в «Бесах», – такое состояние души, такую манкуртову радость тел и сердец культивировали пять тысяч лет назад в том же Египте; так,

в частности, строили первейшее и грандиознейшее из чудес света – пирамиду Хеопса.

Но вот рассеялось сатанинское наваждение, и что теперь? Как нам теперь из духовной пустыни выбираться? Что ждет Россию впереди? Какое у нее будущее? Есть ли оно вообще?

§ 4

Лев Гумилев и Константин Леонтьев, не сговариваясь между собой, вроде бы подсказывают, что средняя продолжительность жизни нации – 1200 лет. Тысячелетие крещения Руси мы отметили. Стало быть, меньше двухсот лет нам осталось? И эти жалкие годы еще и потому жалкие, что старческие, когда все болит, ноги с трудом носят, давление, одышка, частые переломы, по утрам жить не хочется, а ночью бессонница и мысли о скорой смерти...

Вы оптимист по натуре? Тогда я иначе напишу: китайская империя вот уже три тысячи лет существует, и конец ее не только не близок, но в XXI веке ей пророчат роль ведущей сверхдержавы мира. И кто сказал, что исторический счетчик жизни России начал работать непременно со дня крещения? Можно включить его с Ивана Третьего, можно – с Петра. Если с Петра начать отсчет (а почему бы и нет? ведь именно с него началась Российская империя), то мы еще ничего, мы еще в самом начале, на берегу пустынных волн дум великих полны стоим и... послушайте! мы ведь тогда почти ровесни-

ки юной и всемогущей Америки!

И наконец, с какой стати мерить общим аршином Россию, когда сказано: умом не понять, особая статья у нас, и в Россию только верить можно!

Но как прикажете верить? В какой системе религиозных координат? – Разумеется, христианских! Тютчев поэт глубоко и искренне православный! Будем верить, раз Тютчев велел.

Но ведь в Евангелии тоже сказано: все простится человекам, если покаются, и блуд, и братоубийство, гордыня и уныние, гнев и насилие; не простится лишь хула на Духа Святого, ни в этом веке, ни в будущем. Самим Христом сказано! А тут Россия – чемпион. Ни одна из известных мне стран в XX веке так радостно, так самоотверженно, так самопоенно не хулила именно Духа Святого... И когда любящие нашу Родину и страждущие за нее люди горестно восклицают: за что многострадальной России такие тяжкие испытания? – ей-ей, так и скачет на язык: вы что, православные мои, Евангелия не читали? И чего хнычете, когда единственный грех, который *никогда* не простится, мы с вами так люто и сладострастно совершили и не похоже, чтобы раскаялись, учитывая миллионы голосов, постоянно отдаваемых за коммунистов?!

Судьба России.

А есть ли у нее теперь вообще судьба?

§ 5

И что такое судьба народа, наций, страны, государства? Насколько она от Бога уготована и насколько определяется людским своеволием, поступками правящей элиты, широкими народными движениями, самим укладом национальной жизни и национальной психологией? Ну, скажем, Ленин и Сталин – предопределены или произвольны, случайны, си-нергичны?

Чем судьба России отличается от судьбы, скажем, Германии, или Испании, или Китая, или Америки? Что отличается – несомненно. Но чем конкретно? Как эти отличия выявить и описать? Какими аршинами мерить? Как создать эти германский, китайский, русский и прочие аршины и по какой системе, когда общего аршина, по Тютчеву, нет?

А вдруг все-таки есть, и Маркс и Тойнби правы в том, что аршин этот всемирно-исторический искали. А Данилевский и Шпенглер в целом, увы, заблуждались, утверждая, что так называемые культурно-исторические типы замкнуты в себе и нет никакого общего всемирно-исторического движения, есть лишь самостийное бытие этих культурно-национальных макросуществ, которые рождаются, развиваются и умирают, почти ничего друг от друга не перенимая.

Вот ведь, помню, беседовал я однажды с одним английским профессором, и он на полном серьезе убеждал меня,

что мы, русские, ничего в Чехове не понимаем, не любим его и ставим на сцене не так, как должно его ставить, ибо Чехов скорее западноевропейский гений и без него западноевропейский театр вот уже полвека не может существовать; вообще, ежели начистоту, то Чехов – намного больше англичанин, немец или скандинав, чем русский. Я тогда, помнится, расстроился, что у России теперь отбирают уже и Чехова, и стал встречно обвинять англичан в том, что они, как мне кажется, пренебрегают Шекспиром. Но английский профессор вдруг радостно воскликнул: шут с ним, с Шекспиром, берите его себе! «Шекспир – отталкивающе русский драматург», – я точно помню, он именно так и выразился.

А что за культурно-историческое явление учинил в японском кино режиссер Акира Куросава, экранизовав несколько романов Достоевского? Самураи какие-то рычат и скачут по экрану, а Куросава писал, что великий Достоевский помог ему прозреть сокровенные глубины японского национального духа.

Стало быть, есть этот общий аршин, раз Достоевский укореняется в культуре Японии, а Чехов составляет основу западного театра?

Попробуйте без уважения ко всеобщему технологическому аршину создать такую вроде бы простую вещь, как автомобиль. «Мерседес», «Форд», «Рено», «Вольво», «Тойота» – все они как будто бы культурно-национальны, то есть отличаются друг от друга (автомобилист меня поймет) и формой,

и звуком, и ритмом, и запахом, и даже, если угодно, нравом. Все – разные. Но все они словно утрачивают культурно-исторические различия и становятся в общий ряд, едва из-за поворота, во всей своей национальной самобытности звука, запаха и нрава, выезжает, ну, скажем, «Волга»... «Из далека долго течет река Волга»... Получается, что «Мерседес», «Вольво», «Тойота» могут быть измерены общим аршином автомобильной культуры, а «Волга» – нет, не может. В нее только верить можно, без истовой веры на ней далеко не уедешь.

А не потому ли все это, что «Волга» – не культура, а бескультурие?

И, может статься – да простит меня замечательный поэт Тютчев, – он потому так не советовал мерить Россию общим аршином, что подсознательно чувствовал: не доросла она еще до этого всеобщего измерения, осрамится, если эдак всемирно ее начнут измерять; вот и предлагал верить, что когда-нибудь дорастет, и тогда можно будет измерить и не оскандалиться.

§ 6

Монолитна ли культура человеческая или распадается на несколько уровней, слоев, этажей и, помимо духовной культуры, есть еще культура экономическая, культура политическая, культура быта, культура общения? И сколько этих

уровней и этажей? И в каком взаимодействии они пребывают? Могут ли существовать друг без друга? Может ли опустившийся в бытовом отношении человек воспринимать Достоевского, Шекспира? А вдруг именно он, немывтый, пьяненький, полубездомный, одним словом, мармеладовский, он-то и есть радостный потребитель и благодатный восприимчик культуры духовной, а какой-нибудь голландец или немец, который вылизывает тротуар перед домом, у которого сортир как музей, а кухня как храм, тот в лучшем случае до фольклора дотянется, на празднике народно попляшет и на свадьбе национально споеет, а так называемая Высокая Культура ему ни к чему, ибо ничего она не даст ни сортиру его, ни кухне, ни тротуару перед домом?

«Что для русского потеха, то для немца – смерть». Это, между прочим, про наши общественные сортиры. И не потому ли в XIX веке Россия достигла таких всемирных высот духовной культуры, что плевать ей было на свои сортиры, на свои дороги, кабаки свои?

Может быть, мешают чистые тротуары и «грязная политика» Высокой Culture? Толстой считал, что мешают, и бежал от мерзости городов в Ясную Поляну, землю пахал, жил по-крестьянски, политику презирал. А Гете ел на серебре, пил из хрусталя самое дорогое шампанское, в герцогстве своем был премьер-министром. Но я бы побоялся утверждать, что в области духовной культуры, во влиянии на мировую литературу Гете уступал Толстому: по меньшей ме-

ре, равные духовные величины. По меньшей мере, говорю, ибо Гете был еще и выдающийся ученый и, живи он в наше время, мог бы получить Нобелевскую премию по биологии за открытие, например, межчелюстной кости.

Шекспир, насколько известно, занимался предпринимательством и попутно писал «Гамлета», «Отелло», «Макбета», «Короля Лира».

§ 7

И что такое Высокая Культура? Что туда входит? Искусство вроде бы – наверняка.

А наука? У нас премии дают «в области науки и культуры», и есть у нас Академия наук и Министерство культуры. Значит, наука – не культура?

И если искусство безусловно – Высокая Культура, то Алла Пугачева – это что такое? Явление, входящее в ту же категорию, что Моцарт и Пушкин?

И куда отнести Богдана Титомира, Мадонну, группу «Ногу свело»? Массовая культура? А что это такое – «массовая культура»? Культура для масс, для *простого* народа? А Пушкин что, для «сложного» народа писал? И Шекспир разве не ставил свои пьесы почти исключительно в так называемых общедоступных театрах, где основную массу зрителей составляли торговцы, ремесленники, солдаты и проститутки? А на трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида собирались

поглазеть все Афины, от мала до велика. Выходит, что Софокл с Еврипидом – самые массовые из известных в истории культуры, а «Ногу свело» – нечто чуть ли не суперэлитарное.

И почему Рафаэль, Моцарт, Толстой – Высокая Культура, а Перикл, Александр Македонский, Юлий Цезарь, Наполеон – нечто совсем внекультурное и даже... «грязное дело, как всякая политика»? Тогда почему и с какой стати мы целые эпохи в истории человечества называем именами этих «грязных дельцов»? «Эпоха Наполеона», говорим мы, и сразу вырисовывается культурная картина: Гете, Гегель, Бетховен. Обратите внимание, не Наполеон жил при Гете, Гегеле и Бетховене, а они – при Наполеоне!

А Ротшильд, Рокфеллер, Форд, Билл Гейтс – разве это не культура?

И кто определил, что лучше жить в хлеву и иметь своего Достоевского, чем жить опрятно, сыто, бережливо, но своего Достоевского не иметь?

И противоречит ли один этаж, один уровень культуры другому? Антагонистично ли это противоречие? В России вроде бы антагонистично. Но в V веке до Р. Х. в Афинах экономика процветала, политической жизнью руководил великий правитель и демократ Перикл, в доме которого по вечерам собирались отец истории Геродот, отец скульптуры Фидий, патриарх драматургии Софокл, великие архитекторы Иктин и Калликрат и некоторые другие представители Высокой Культуры (среди них еще молодые и неизвестные Ев-

рипид и Сократ); и все они считали себя друзьями «грязного политика» Перикла, и почти все так или иначе занимались «бизнесом», и некоторые были тайно влюблены в жену Перикла – легендарную Аспазию.

И почему в Элладе можно, а в России – либо коттеджи и шестисотый «мерин», либо – Чайковский и Достоевский?

§ 8

И есть ли среди этих различных этажей культуры нечто формообразующее, то, что определяет весь культурный склад нации, все историческое движение национальной и наднациональной культуры?

Ученые говорят – это наука, правители – политика (Наполеон объяснял Гете, что судьба – это политика), экономисты – экономика, богословы – религия. Так что же из всего этого на самом деле формо-образует?

А что такое религия? То есть я сейчас хочу спросить: что общего между двумя библейскими Иисусами – Иисусом Навином, который во имя Бога разрушал, резал, жег и грабил, и Иисусом Христом, который, Сам Бог, принес Себя на Голгофе в жертву любви и состраданию, во искупление прошлых, настоящих и будущих грехов совокупного человечества? Как им, Навину и Христу, возможно было совместиться под обложкой одной и той же священной Книги – Библии? Не ближе ли к Христу индийский Будда, китайский

Лао-цзы и даже иранский Заратуштра? – они-то, по крайней мере, никого не убивали. И погрязшие в прелюбодеяниях, в стяжательстве, в гневливости и гордыне многие римские папы и некоторые православные патриархи, испанские и итальянские инквизиторы, от безверия и уныния очумевшие настолько, что дьявола представили могущественнее Бога и, дабы сокрушить это ими самими провозглашенное могущество, сотнями, тысячами сжигавшие на кострах стариков и старух, юношей и девушек, – неужто они христиане и правильнее, истиннее верили в Бога, чем тончайшие и нежнейшие суфийские поэты (Руми, например, или Хайям), величественные даосские отшельники и просветленные буддийские монахи, которые боялись на букашку случайно наступить и веточку у кустика обломить ненароком, – неужто они, я спрашиваю, сатанинское отродье, а какой-нибудь Торквемада – заблудший, но христианин?!

Город Бамберг – это что такое, с точки зрения развития религиозного сознания и движения к Богу? В семнадцатом, кажется, веке в этом самом Бамберге немецкий технологический гений сделал примечательное открытие: расточительно и долго сжигать ведьм на кострах; а если запихнуть их штук по двадцать в специально сконструированную печь, то дело пойдет споро, и топлива много не потребуется, и по-немецки рачительно, изобретательно, организовано... Эта бамбергская первопечурка – тоже факт национальной культуры? И могли ли, скажем, испанские инквизиторы до этой печи до-

думаться или только немецкий национальный гений к ней был предрасположен, если угодно, предопределен? И какого дьявола эти бамбергские изобретатели именовали себя христианами?! То есть я напрямую спросил себя, *как этого дьявола звали*, которому они поклонялись и которого давно уже поставили на место Христа?

§ 9

И насколько сознательна наша культура?

Я вот что хочу сказать, вернее, спросить. Родился я, наверное, совсем не культурным, зародыш зародышем, и вот сперва бабушка, затем мама, затем папа стали культуру в меня вкладывать. Никто из них не говорил со мной о Боге. И однако первое самое яркое впечатление моего детства, которое сохранилось в памяти, – религиозное. Представьте себе: я обожествил туман. То есть я это сейчас понял, что обожествил, а тогда, в далеком детстве, подсознательно вступил с Туманом в религиозные отношения: испугался его и увлекся им одновременно, перед сном просил его не пугать меня, не вредить мне, а лучше помочь, защитить от моего страха, от плохих мальчишек. Туман Дорогой, просил я... Я его еще выговорить правильно не мог, «тумам» говорил, но уже обращался к нему. И сейчас, когда я уже лет двадцать пытаюсь проникнуть в глубину древних религий, я почти уверен, что с некоего похожего Тумана началось религиозное

становление человечества (или предчеловечества), которое лишь спустя десятки, а то и сотни тысяч лет доросло до представлений о каких-то более или менее человекоподобных богах. Так вот, я спрашиваю, кто вложил в меня всю эту культуру: бабушка, мама или тот самый стотысячелетней давности получеловек, который испугался и увлекся «Туманом», вступил с ним в мистическую связь (*religare*), стал с ним разговаривать, для него танцевать, петь, на него молиться и каким-то загадочным образом передал мне, похоже, действительно формообразующую культуру, в которой упорно отказывали мне мои домашние, школьные и институтские воспитатели и культуртрегеры?

Почему, когда в десятом классе я стал читать Достоевского (в мои школьные годы Достоевский в программе, слава Богу, не стоял, и моя учительница литературы не сумела привить мне к нему ту ненависть, которую я еще лет десять испытывал по отношению к Гоголю и лет двадцать – по отношению к Александру Островскому, – вот ведь тоже любопытнейший культурный феномен), почему, я себя спрашиваю, начав читать Достоевского, я был поражен не только тем, что это словно про меня написано, но даже... что некоторые монологи *я сам продиктовал* Федору Михайловичу?!

§ 10

В чем моя культурная ущербность перед Достоевским?

Отец мой несопоставимо образованнее, культурнее и талантливее отца Достоевского; мама моя ни в чем не уступала матери Федора Михайловича и, скорее, в культурно-воспитательном отношении превосходила ее; я получил гуманитарное образование – Достоевский техническое; во многих отношениях я даже образованнее Федора Михайловича.

Не торопитесь ставить меня на место. Я сам знаю, я ощущаю и уверен, что в культурном отношении, на культурной шкале между мной и Достоевским примерно такая же дистанция, как между мной и гориллой.

Но я хочу задать вам довольно краеугольный для меня вопрос: *кто или что нас так расставило?*

Академик Наталия Бехтерева однажды объяснила журналисту Караулову, что у Пушкина была какая-то совершенно особенная химия мозга и, дескать, поэтому ему так легко давались рифмы. Но, во-первых, я вовсе не уверен, что гений Пушкина в легкости рифм; то есть я твердо уверен, что не только для Пушкина, но для всей мировой поэзии рифмы – дело десятое. А во-вторых, академик Бехтерева мне совершенно не объяснила, почему Пушкин эту самую химию за получил, а мне – фиг с маслом!

И раз уж я себя поставил между гориллой и Достоевским, то спрошу наконец: к кому я ближе? Тут я полагаю, что не шокирую вас, сказав, что все же, пожалуй, ближе я к Достоевскому. Какой-никакой, я все же носитель культуры. А горилла – зверь, животное.

Но, господа, насколько мне известно, самец гориллы не бьет свою спутницу жизни. А я, представьте себе... Читал я как-то Гегеля, «Феноменологию духа», сложное, знаете ли, произведение. Я с трудом погружался в поток гегелевского мышления, два часа не удавалось, наконец на третьем часу вдруг словно распахнулись таинственные двери души, гегелевский идеализм ласково обтек и бережно повлек меня в свою заумную глубь. И тут распахнулась материалистическая дверь, вбежала неласковая и небережная моя жена: «Ну что за хамство! Ребенок уже целый час ждет! Ей свежий воздух нужен!..» Ну и попутал нечистый, проявилась вдруг во мне такая феноменология духа, от которой не только горилла, но зеленая ящерица надежно застрахована: как бы ни досаждала самцу самка, ни за что не ударит, не сможет, на инстинктивном уровне заповедь срабатывает и генетически наследуется. То есть вы представляете, в какую страшную ловушку я сам себя заталкиваю своими вопросами: если я сейчас признаю, что отношение к своей жене, к своим детям – тоже культура, и для развития человечества, наверное, немаловажная, то... Но обидно, знаете ли. Ниже Достоевского – не обидно, даже скорее радостно, что над твоей головой такой титанический человек возвышается. Но ниже какой-то безмозглой, маленькой и ничтожной зеленой твари!..

II

Боюсь, я утомил вас своими вопросами. Но я сам, поверьте, еще больше утомился за долгие годы, и не столько вопрошая себя, сколько пытаюсь найти ответы в научных книгах, статьях и беседах.

§ 11

Представьте себе, на большинство вопросов я довольно быстро находил ответы, но... разные и часто чуть ли не диаметрально противоположные друг другу. То есть, образно говоря, один ученый отвечал мне, что дважды два – это, конечно же, четыре. Другие с той же уверенностью в качестве результата предлагали другие цифры. Третьи осторожно замечали, что все, дескать, зависит от обстоятельств, от множества переменных, сложнейшего взаимодействия и синергетической обусловленности целого комплекса многочисленных факторов, носящих как объективный, так и субъективный характер; то есть теоретически должно быть четыре, но случаются и три, и единица, и даже шестнадцать. Находились и такие, которые готовы были принять любой результат, только не $2 \times 2 = 4$, ибо (тут они начинали нервничать, обижаться и даже сердиться) только крайний ретроград и тупоумный упрямец может придерживаться давно от-

жившего и прогрессивной наукой убедительно развенчанного взгляда на природу вещей.

§ 12

Я и раньше догадывался, но теперь убедился, что область так называемых точных наук (там, где дважды два – всегда четыре) крайне узка и уже, пожалуй, химия – наука, конечно же, точная, но как бы не совсем. А биология в некоторых своих разделах (например, в сфере эволюционного подхода) совсем не точная. А история, как некогда объяснил мне великий физик Петр Капица, и вовсе не наука, ибо историки за двадцать пять веков своего существования не только не открыли ни одного универсального закона, но даже не определили предмета своего исследования. То есть сорок пять лет назад, оказывается, я стал кандидатом несуществующих наук и совершенно напрасно радовался и выпивал с коллегами, такими же «несуществующими» докторами и кандидатами.

§ 13

Похоже, в некотором отношении Капица прав. В современной физике, насколько мне известно, не существует антагонистически настроенных друг к другу школ. Физики в общем-то договорились в планетарном масштабе. Иначе об-

стоит дело в гуманитарных отраслях познания. Неодарвинисты сражаются с неоламаркистами; этологи – с так называемыми «психологами»; психологи без кавычек словно считают ниже своего научного достоинства обращать внимание на открытия, совершаемые физиологами в сфере высшей нервной деятельности и нейрофизиологии человека, а физиологи, в свою очередь, не без насмешки перелистывают наукообразные сочинения некоторых психологов, которые в исследовании человеческой психики не только не продвинулись дальше Аристотеля, но отказались к тому еще и от логики; «цивилизационщики» бичуют марксистов, марксисты тоже не остаются в долгу и т. д. и т. п. И чем, заметьте, гуманитарнее наука, то есть чем ближе она к исследованию человека, человеческого общества, человеческой истории, тем настойчивее противодействие, тем яростнее неприятие и тем меньше взаимопонимания между коллегами. «Война – отец всего», – сказал Гераклит. Но я не уверен, что древний эфесец в первую очередь имел в виду борьбу научных школ.

§ 14

Иное затруднение.

Я слышал, один ученый чуть ли не всю жизнь специализировался на исследовании сетчатки глаза лягушки. Представляете, как тщательно он эту сетчатку изучил? Говорят, есть такие же классные специалисты и знатоки маточных рубцов

у землеройки⁶. Я понимаю: век аристотелей и прочих универсалов миновал, и ныне можно совершить открытие, лишь сосредоточив свое внимание в какой-то одной и очень узкой области. Я абсолютно доверяю этим узким научным специалистам: прекрасно зная свой предмет, они очень редко допускают ошибки. Я рад за них: они пользуются заслуженным авторитетом не только у себя на родине, но и за рубежом, и ни одна научная работа в сфере их научного интереса без ссылки на них, понятное дело, не обходится. Но мне они помочь бессильны. Я слишком общие вопросы задаю. Им такая широта даже в страшном сне не приснится. Для них мои вопросы – не то что не предмет научного исследования, даже не глас вопиющего в пустыне, а некий «белый шум». Но... не дай Бог мне случайно коснуться, ненароком приблизиться к их строго-узко-тонко-научным рубцам и сетчаткам. Разорвут, как античные вакханки, разрушат до основания, как воины Иисуса Навина, художественно высмеют, как Сократ – софистов.

А ведь их, может быть, сотни, а то и тысячи – строгих, узких и тонких. Вот я с вальяжной легкостью сравнил Мавзолей Ленина с пирамидой Джосера... А среди моих читателей совершенно случайно вдруг оказался тонкий и узкий, который всю жизнь изучал именно эту пирамиду и эту самую Третью манефонову династию египетских фараонов... Вы представляете, что этот специалист со мной сделает? И ведь прав будет он, десятикратно, стократно меня правее,

ибо и мавзоль на пирамиду в «узком смысле» не похож, и Джосера «при строгом рассмотрении» совсем иначе звали, и это «очень тонкий вопрос», принадлежал *вышепоименованный* фараон к Третьей династии или не принадлежал!

Но как бы мне могли помочь эти прекрасные ученые, будь они чуть пошире, чуть снисходительнее и чуть смелее перед лицом Всеобъемлющей Истины!

III

Не менее огорчили меня и методические недостатки многих научных исследований.

Казалось бы, еще в IV веке отцы церкви открыли (вернее, открылось им), а Гегель через полторы тысячи лет перевел на философский язык и как бы заново провозгласил три фундаментальных принципа, лежащих в основе всякого продуктивного гуманитарно-научного исследования: системность, диалектика, историзм. Но до сих пор эти, если угодно, категории познающего разума очень редко используются. Причем пренебрегают ими не узкие и строгие специалисты, а ученые широкого и свободного кругозора, на которых, как вы поняли, я возлагаю особую надежду.

§ 15

Метод историзма. Исследуют, например, дионисийское начало в религиозной культуре (Ницше, Вяч. Иванов, частично Я. Голосовкер), но при сем забывают, что с момента зарождения и за тысячу лет развития этот самый Дионис столько раз трансформировался в людских представлениях, изменял свой образ, свой миф, свой культ, что говорить о дионисийстве в целом следует с величайшей осторожностью, ибо Дионисы разных религиозных стадий – совершенно раз-

ные и иногда принципиально различные божества.

И тем же самым часто грешат психологи и историки, без которых я на половину своих вопросов ответить не смогу. Обругали, например, Леви-Брюля за его «Первобытное мышление», так дружно и свирепо накинулись, что сам Леви-Брюль на всякий случай, ради научной безопасности, от своей концепции частично отказался. Но, по крайней мере, содержательной стороной психика первобытного человека действительно и принципиально отличалась и отличается от нашей с вами психики.

Однако самое прискорбное для меня – отрыв истории от эволюции. Словно сотни миллионов лет шел один процесс жизни, а затем миллион лег назад (или многим позже) начался другой процесс, совершенно и принципиально от первого отличный, и первый мы называем эволюцией живой природы, а второй – историей человека, и Боже сохрани их перепутать. И самые активные сторонники этого эволюционно-исторического аборта встречаются, как это ни странно на первый взгляд (потому что на второй взгляд уже не странно), среди материалистов, которые Бога, как правило, отрицают и над догматом сотворения глумятся, однако на практике обособляют человека от остальных живых существ почище самых жестоковейных христианских фундаменталистов.

§ 16

Диалектический метод. Тут еще хуже, чем с историзмом. Один «диалектический материализм» чего стоит. Я за него два раза в институте получал «двойку» на экзамене. То есть еще студентом я не мог понять это словосочетание, а сейчас еще меньше понимаю. Вернее, теперь я много книг прочел и могу допустить, что даже в илистом русле материализма можно диалектически мыслить. Можно диалектически мыслить и на просторах идеалистической Небесной Реки (так древние китайцы называли Млечный путь). Но если нас реальная, полноводная и плодотворная река интересует, а тем более рыбы, которые в ней живут, утки, которые по ней плавают, человек, который рекою этой любителю, – при чем тут вообще материализм и идеализм, это в общем-то искусственное, на мой взгляд, противопоставление двух взаимопроникающих и диалектически взаимодействующих составляющих всякой жизни?

Крупнейший знаток поведения животных Конрад Лоренц наблюдал, как скворец ловил на потолке, приносил на шкаф и проглатывал... *несуществующих* мух (то есть ни одной мухи в комнате не было, ловить и поедать было некого). Выходит, этот скворец решил «основной вопрос философии» в пользу идеализма?

Строгие ученые строгими методами на строгой аппарату-

ре материалистически показали, что кошка, увидев мышь, перестает слышать звук метронома (то есть в слуховой коре совершенно исчезают потенциалы). Звук для кошки перестает существовать! Это идеализм? Или интерес кошки к мыши настолько материален, что звуковые колебания в этот момент становятся идеалистическими?

А что такое сам звук? В неживой природе звука нет, это вам любой физик скажет. Чтобы звук появился, нужно ухо. Вернее, одного уха мало, и для восприятия звука нужен мозг. Но, как мы только что видели с кошкой, и мозга мало – нужно нечто, которому понадобилось, которое захотело, снизошло до того, чтобы этот звук услышать. А какова природа этого нечто, материалистическая она или идеалистическая?

Только поймите меня правильно: я не настолько глуп, чтобы отрицать существование материи. Я просто жить пока хочу и всяческую жизнь вокруг меня наблюдать и исследовать. Я не хочу, чтобы у меня в мозгу только «копировалось, фотографировалось» черт знает что. Я и Ленину, вернее, его душе, этого не желаю, хотя он и написал эту глупость. А потому я против материализма и против идеализма. Я за жизнь и, стало быть, за диалектический подход к ней.

§ 17

Метод системности. Тут меня всегда огорчали три явления.

Первое выражается в том, что системность в научном исследовании вовсе отсутствует. Но стоит ли огорчаться? Хвост либо есть, либо его нет вовсе, говаривал, кажется, Винни-Пух (или его друг Ослик?). Но, право же, наука – дело не менее творческое и вдохновенное, чем искусство, и часто ученый на такие интересные пласты жизни выходит, такие любопытные данные получает, а вот осмыслить, обработать их системно то ли не может, то ли не хочет, а я за него эту работу доделать не в силах, так как не могу же я глубоко специализироваться в каждой из интересующих меня наук и тем более – по всем направлениям... Но нет хвоста, нету!

Явление второе: системно мыслит человек, но совершенно непонятно, как эта система организована, каковы ее внутренние и внешние координаты, есть ли в ней системообразующее ядро, и если все-таки есть, то где оно, черт побери, местопологается. То есть хвост вроде бы есть, вот же, ученый нам его показывает, называет хвостом, но видим мы нечто, на хвост совершенно не похожее, которое даже за часть тела можно принять, лишь обладая очень богатым воображением... «Я тучка, тучка, тучка, я вовсе не медведь...»

Третий подход, вернее, третий способ нарушения метода системности – он меня очень часто огорчал и огорчает. И прежде всего потому, что я встречаю его у тех исследователей, назвать которых коллегами язык не поворачивается, ибо некоторые из них без преувеличения – научные гении.

Скажем, Зигмунд Фрейд. Для меня – гений бесспорный,

не только основавший аналитическую психологию, но и всем гуманитарным наукам (а также искусству) предложивший новый принцип мышления. Системщик? Безусловно. Но... вы догадались, куда я клоню?.. Зачем этим тоталитарным «либидо» объяснять политику, право, мораль, искусство, религию? Ведь это не просто странно – это в некотором роде болезненно.

Или Карл Маркс. Сейчас он у нас в опале. Но когда я был студентом, меня заставляли читать Маркса. И одну цитату из него я помню наизусть: «Теория осуществляется в каждом народе лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей»⁷. Великолепная мысль, вы не находите? Заодно она и судьбу России объясняет, ту самую, послеоктябрьскую, и как бы доказывает невиновность самого Маркса в наших страданиях: Маркс-то уж точно не виноват, что из его политэкономической системы сделали сперва ленинскую религию Пролетариата, затем – сталинскую религию Человекобога и Земного Царства Небесного, затем – хрущевский генотеизм, брежневский шаманизм.

Но откуда Маркс взял, что экономика – формообразующий базис, что, дескать, она все определяет? Уже у крыс социальная иерархия определяет всю крысиную «экономику» (пища, жилище, самка), и скорее она – «базис», а все остальное – «надстройка», вернее, «подстройка».

§ 18

И уж крайне редко можно встретить в гуманитарной науке ученого, который последовательно применял бы все три метода – системности, диалектичности и историзма, кстати сказать, теснейшим образом взаимосвязанные, так что, нарушив один, рано или поздно обязательно повредишь второй и обнаружишь неисправность в третьем.

IV

Однако самое досадное затруднение, с которым я столкнулся, вот каково.

§ 19

Очень часто наука места своего не знает! Многие, слишком многие ученые (особенно в XX веке) ощущают в себе такую богатырскую силу, такую сказочную дерзость и прыть, развили в себе такой поразительный комплекс полноценности и непогрешимости, что не только в научном своем царстве правят безапелляционно и безраздельно, но и самоупоенно отправляются на завоевание царств тридевятых, даже не подозревая, что там свои богатыри, свои властители, свои жители, свои законы – *там своя сказка*, господа! И полбеда, если такого безоружного путешественника побьют – за одного битого, как известно, двух небитых предлагают. Намного хуже случается: научному богатырю кажется, что он и царство завоевал, и принцессу очаровал, привез ее с собой, за свадебный пир уселся и гостей созвал; но гости-то видят (не все, а те, которые в сказках искушены и в нескольких царствах побывали), что никуда он не ездил на самом-то деле, то есть ездил в туда-не-знаю-куда, привез то-не-знаю-что, и с этим научным фантомом наш ученый богатырь ныне пом-

пезно бракосочетается...

Я говорю об отношении многих ученых частично к искусству и главным образом к религии.

Вы встречали такое словосочетание: «научное исследование религии»? Вас ничего в нем не смущало? А «научное исследование искусства»? Вы не находите, что здесь уже что-то режет слух, немного, но режет? А ведь искусство намного ближе к науке расположено, чем религия.

И вполне можно химически исследовать, скажем, «Джоконду». Кто запретит химику изучить состав красок, их порчу под действием времени? Краски можно исследовать. Но будет ли это исследованием «Джоконды», этого шедевра, загадки и правды мировой живописи?

Да, есть такая наука – искусствоведение. Но не кажется ли вам, что наибольшего успеха, наибольшей правды в исследовании «Джоконды», ее загадочной улыбки добились живописцы, которые пытались ее копировать, поэты, которые посвящали ей стихи, композиторы, под наитием этой улыбки сочинявшие музыку? Не кажется ли вам, что самое правдивое, самое подлинное исследование происходит в нашей душе, когда улыбка эта встает перед нашим внутренним взором, зачаровывая, привлекающая и отталкивая, соблазняя и предупреждая, кого-то словно раскалывая надвое, кого-то как бы объединяя и примиряя; и у каждого своя «Джоконда», и моя «Джоконда» самая подлинная, и ваша – тоже самая подлинная, и некоторые свою «Джоконду» ценят и любят на-

много больше, чем ту, которая висит в Лувре (и в этом есть свой художественно-исторический резон, так как луврская «Мона Лиза» процентов на восемьдесят утратила яркость красок, свой колорит, свое гениальное «сфумато», а, стало быть, наша внутренняя – подлиннее и, может, даже сверх-подлиннее); и то, что у нас с вами разные и, может стать-ся, совершенно разные «Джоконды» и одновременно самые подлинные – это не только не противоречие, а закон и прелесть искусства.

И какая наука эту вашу внутреннюю, лелеемую или нелюбимую, болезненную, может быть, «Джоконду» сможет исследовать? Утром она у вас одна, вечером – другая, от ваших мимолетных видений зависящая, вашими чувствами, предчувствиями и воспоминаниями питаемая и изменяемая, только вами сокровенно исследуемая, сознательно, но чаще предсознательно. И вот я сейчас затронул струну, а вы, может быть, снова стали исследовать, наверное, совершенно со мной не соглашаясь, но возникла она (Она?) в вашем представлении под воздействием моего исследовательского предложения. Но ведь вы должны заметить, что я уже давно не научным языком с вами разговариваю, а каким-то другим, в котором истины нет, но есть правда («истина» в Лувре висит, а «правда» – только в вашей душе), и логика вдруг уступила какой-то другой форме, другому способу мышления (я условно назову его пока поэтикой), позволяющему вам одновременно и соглашаться и не соглашаться со мной. Так вот

это, примитивно говоря, и есть наше с вами совместное художественное исследование «Джоконды».

И все это возможно, все это начинается лишь тогда, когда вы признаете искусство, понимаете его, ощущаете, любите и верите в то, что «Джоконда» как образ, как метафора, как парадокс, если угодно, может существовать и существует в вашем сознании, в ваших представлениях, в вашей душе. Но если этот внутренний образ для вас лишь выдумка, если все богатство живописных принципов и правил вы считаете «малярскими байками», если вы вдруг заявите: чего я забыл в Лувре, я принципиально не приемлю такого рода социально-политические заведения, мне совершенно не нужно испытывать какие-то там чувства к «Джоконде», более того – я не должен, не имею права их испытывать, ибо, будучи ученым, я должен оставаться к ней беспристрастным, объективным... Вы представляете, какого рода исследование из этой вашей «строго научной» установки произойдет?

§ 20

К сожалению, многие ученые допускают подобного рода гностическую бестактность по отношению к религии.

Приведу два примера.

Воспоминания детства. Гагарин полетел в космос, после полета состоялась пресс-конференция, и какая-то бабушка (может быть, подставная) спросила первого в мире космо-

навта: «Сынок, миленький, а ты там, в космосе своем, Бога видел?» – «Нет, бабуля, не видел», – лучезарно улыбнувшись, ответил Гагарин. На следующий день школьная учительница использовала этот мимолетный диалог для углубления нашего атеистического воспитания. Через несколько дней в «Правде» появилась статья некоего ученого мужа, специалиста по научному атеизму... Послушайте, но ведь не только христианство, но никакая, даже самая примитивная религия в мире никогда не утверждала, что ее бог вращается по околоземной орбите и так расчетно крутится, что непременно должен был встретиться Юрию Алексеевичу... Но это, пожалуй, чересчур вульгарный пример.

А вот менее вульгарный и более распространенный. Для очень многих ученых слово «миф» синонимично слову «выдумка». Поверьте, для крещенного, воцерковленного, знакомого с Библией, а тем более с сочинениями отцов церкви христианина миф – никакая не выдумка, а жизнь, истина и путь.

Одного святого пустычника, помнится, спросили: «Как вам удалось, авва, снискать такой благодати, что львы спят у ваших ног, а люди, поговорив с вами, исцеляются?» – «А я все время, каждый час, каждую минуту вижу перед глазами Распятого Христа», – ответил отшельник. Пусть львы и исцеленные больные – выдумка (экспериментальных этологов тогда не было, и медицинской экспертизы никто не проводил). Но если верующий христианин хотя бы раз в год, хо-

тя бы в Страстную Пятницу не видит Распятого, не страдает вместе с Ним, вот его, наверное, можно научно исследовать, потому что он мифом, похоже, не живет, и Животворящий Крест, всю Вселенную объемлющий и организующий, не символ для него, не образец для действенного путешествия и не стержень, связующий прошлое и будущее, знание и невежество, правду и ложь, любовь и ненависть, свободу и рабство, жизнь и смерть, не символ, говорю, для него, а в лучшем случае грандиозная художественная метафора (см., например, «Христос святого Иоанна Креста» Сальвадора Дали) и в худшем случае – плюсик, знак для сложения денег, орденов, научных дипломов.

У святого Франциска на ладонях были раны, словно не Христа, а его, Франциска, к кресту приколачивали. Конечно же – выдумка. Вот когда гипнотизер внушит своему пациенту ожог третьей степени и у того после сеанса вздуются на руках реальные и материалистические пузыри – это не выдумка, потому что неоднократно ученые наблюдали и гипноз современной наукой вполне признается как достоверное явление. А святой Франциск, который, похоже, ежесекундно страдал вместе с Распинаемым, сострадал Ему, любил Его так, как мы себя не любим, – ну разве может уважающий себя ученый допустить, что у него действительно были стигматы, то есть кровоточащие раны-язвы на руках и ногах?!..

Как возможно атеистически исследовать религию? Разве можно не-эстетически изучать искусство, не признавая ни

поэтики как способа художественного мышления, ни метафоры как языкового инструмента этого мышления, ни рифм, ни колорита, ни контрапункта; то есть, дескать, обо всем этом говорят поэты, художники и музыканты, но все это лишь индивидуальный самообман и коллективный опиум для народа, а в научном плане ничего этого, разумеется, не существует.

Разве можно исследовать науку, не принимая в расчет и «решительно отвергая» логику, формулы, числа? Ведь числа тоже в природе не наблюдаются, они тоже – выдумка, и выдумка человеческая.

V

А сейчас пора подвести итог, то есть принять решение, вернее, объяснить, какое решение я вынужден был принять, какое решение меня *заставили* принять.

Я понял, что ничего иного мне не остается, как самому приняться за исследование, самому попытаться ответить на мучающие меня вопросы. Причем – на все сразу, ибо есть у меня почти убеждение, что только так, на все сразу, и возможно, а по отдельности на такие вопросы ответов не получишь.

И знаю, что нет у меня для этого иного поприща, кроме философии.

§ 21

Потому что философия не наука наук, как ее иногда называют, а, на мой взгляд, более чем наука.

Генетика ее такова. Родная мать философии – религия. Почти тысячелетие она в материнском лоне пребывала, пока не родилась наконец в Малой Азии (в лице первофилософов, милетцев, эфесца и самосца). И долгое время матерью воспитывалась, от матушки-религии почти не отходила, ни в детстве своем платоническом, ни в отрочестве неоплатоническом и аристотеле-схоластическом. И лишь в юности на-

конец обратил на нее внимание и занялся воспитанием отец – Научный Дух. Во время этого воспитания она то уходила жить к отцу (Декарт), то возвращалась к матери (Лейбниц), пока не поняла, что раз Бог судил двух родителей, стало быть, обоих и почитать надо (Гегель). Но вскоре явился жених – Искусство, и с той поры у философии появилось еще и третье увлечение, так как с женихом этим она довольно скоро и тесно сошлась (Шеллинг и Шопенгауэр) и одно время даже стала ненавидеть отца-науку и пренебрегать матерью-религией, вернее, пытаться религию переделать, дескать, устарела матушка и надобно ее обновить, искупав в котле сверхчеловечества (Ницше). Но разве хорошо ругать своих родителей? Разве пристало от них отрекаться? То есть ты хоть тресни от ругани и трижды отрекись, но гены-то, ими переданные, никуда не денешь: сидят в тебе и командуют изнутри. Жених, однако, для созревшей девицы – магнит весьма притягательный, в перспективе – детородный. И вот в XX веке много деток пошло, которые на первый взгляд вроде бы философы, но, ежели к ним приглядеться, на художественного папашу своего более похожи и лицом, и хватками, и даже мышлением. Детки выдающиеся: Розанов, Камю с Сартром, испанец Унамуно, другие самобытнейшие исследователи, которые ни на философию, ни на искусство в открытую никогда не претендовали (скажем, Бахтин или Аверинцев), дескать, скромные мы филологи, в коммунистическом детском доме выросли и родителей своих, врагов наро-

да, не помним; но помнят, и чтят, и видно, как много они унаследовали и от философии, и от искусства. (Полагаю, они на меня не обидятся, что я их «детками» назвал, я – зеленая тварь и ниже ящерицы).

Учитывая происхождение философии, стоит ли удивляться, что она, так сказать, имманентно сопрягает три способа познания (науку, искусство и религию) и соответственно три формы мышления (логику, поэтику и мистику)? Стоит ли сердиться, скажем, на Шпенглера, что он в своих построениях более метафоричен, чем понятия («судьба», например, которой так много в его сочинении, конечно же, не научное понятие, а художественный образ)? Надо лишь приветствовать, что Лосев часто изучает мифологическое сознание изнутри него самого, то есть соответствующим образом организует свой текст.

§ 22

Я полюбил философию за широту взглядов, свободу сопоставлений и обобщений, дерзость в постановке вопросов и бескорыстие целей. То есть за прямую противоположность ее строгой, узкой и часто поразительно эгоистичной и трусливой науке. Конечно, за широту, дерзость и особенно за свободу приходится платить: никого в науке так дружно и злобно не ругали, как философов, особенно философствующих ученых (достаточно вспомнить экономиста Маркса и

психолога Фрейда). Но истинно философствующие никогда не боялись чужой критики, она их не сковывала. Им еще Сократ завещал не бояться чужих мнений; вернее, как раз наоборот – бояться, что эти чужие мнения могут сковать их философскую независимость, их свободный поиск истины.

И при внутренней исследовательской свободе, при максимальной широте охвата действительности, настоящая философия, как я заметил, оставалась чужда интеллектуальному анархизму, окостенелой замкнутости систем и, отрицая мертворожденные, препятствующие всяческому духовному оплодотворению и исследовательскому зачатию «мнения», чуть ли не генетически наследовала и развивала все живое, плодотворное и плодоносное, зародившееся в предшествующем движении мысли: Платон воплотил в себя все достижения древней философии; греческие отцы церкви IV века, помимо того, что они создали новое, христианское, богословие, как бы подвели итог всей эллинской мудрости, почерпнув у Платона, у Аристотеля, стоиков и неоплатоников все, что у них можно и нужно было воспринять; а Гегель открыто призывал к творческому примирению всех продуктивно философствующих и устремленных к истине. И за эту свободу как осознанную необходимость примирять, а точнее – синтезировать, а еще точнее – диалектически воспринимать и преобразовать все плодотворное, возвращенное и предложенное в симфонической истории человеческого интеллекта, – за это я особенно любил философию.

§ 23

Могу ли, смею ли я рассчитывать на взаимность?

Видите ли, во мне уже давно писатель борется с ученым, и сперва меня это очень угнетало, а потом вдруг осенило: хватит им ссориться, пора примирить этих внутренних близнецов, и пусть один другому поможет. То есть, с одной стороны, я вроде бы очень нескладный и неприспособленный для философского пути индивид, а с другой – может, даже и хорошо, что ученый, писатель, к тому же еще и верующий человек, пусть кое-как, но воцерковленный, лет тридцать уже изучающий христианское богословие, а также иные религии, в том числе и древние; плюс к этому политика меня всегда интересовала, и институт я окончил политический. Может статья, эта моя раздвоенность, растроенность, расчлененность – не творческая болезнь и не интеллектуальная ущербность, а напротив – духовный иммунитет, который защитит меня от одномерности, так болезненно поразившей философию XX века и, если верить Герберту Маркузе, то и современного человека (по крайней мере, человека западного).

Отправляюсь я в путь как ученый, но когда буду натекать на препятствия, которые наука преодолеть не в силах, буду обращаться за помощью к писателю, а если и тот не сможет – к мистикам. Помните, в тех редких сказках, где спутники не соперничают друг с другом, а сотрудничают, они, как

правило, всюду проникают и всего добиваются, и каждый из них внакладе не оказывается, а сказка имеет счастливый конец. Так и мы пойдем, стараясь обнаруживать научные закономерности, двигаясь в сретение художественным правдам. А если при этом Господь сподобит нас хотя бы лучиком благодати, приоткроет хотя бы одну из бесчисленных завес Своей Тайны...

Одним словом, сам я дерзнул и вас имею наглость пригласить на философское восхождение.

VI

Но прежде чем мы тронемся в дорогу, давайте сперва договоримся о трех непрременных условиях нашего с вами и всякого вообще восхождения, о том, что: 1) *есть Гора*, 2) *учрежден Путь* и 3) *творит его изменяющийся Восходитель*. Впоследствии мне придется преобразовать эти три простых условия в целую методологическую систему, которую я буду именовать «орософией» (буквальный перевод с греческого: «горная мудрость»). Но сейчас рано об этом. Сейчас важно лишь обозначить общие условия и кратко перечислить основные параметры мышления.

§ 24

Условие первое. **Гора есть.**

Странно, что Карл Густав Юнг не включил Гору в число своих самых основных архетипов. Ибо что может быть более архетипическим, краеугольным, универсальным и в то же время субъективно-ощущаемым, интимно-переживаемым, имманентно-присущим психической конструкции, духовной архитектонике?

Прежде всего это один из архесимволов. Горы есть во всех религиях: шумерской и аккадской, китайской и индийской, греческой и еврейской, ветхозаветной и новозаветной, буд-

дистской и джайнистской, зороастрийской и мусульманской. Нет горы в собственном смысле слова, ну так холм мы обнаружим, возникший из первоначального хаоса, как в некоторых вариантах египетского космогонического мифа. Даже там, где, казалось бы, никаких мифологических гор быть не должно, и там самую высокую гору называют пиком Коммунизма, а до этого она называлась пиком Сталина.

Образ Горы едва ли не самая архетипичная метафора в искусстве. В Китае, например, всю поэзию и живопись можно свести к археметафорике «гор и вод». И кто главный герой «Божественной комедии» Данте – Вергилий, Беатриче, сам Данте? Я полагаю, что все же Она, Гора: Гора Чистилища, Антигора Ада и Сверхгора Рая. Обратите внимание: чуть ли не на каждом полотне Леонардо да Винчи на заднем плане – Гора; за спиной Джоконды она едва различима, но тем настойчивее давит на сознание, словно увиденная в гипнотическом сне, объятая сумеречным сиянием, насыщенная влажными испарениями и окутанная предсознательной дымкой. И что такое треугольная композиция, открытая Леонардо и с тех пор утвердившаяся в классической живописи, – что это как не проекция Горы, позволяющая божественным образом отразить, изобразить и передать от души к душе сокровенную духовность человеческую?

В науке понятия Горы, знака Горы вроде бы нет. Но смотрите, *что*, вернее, *как* пишет Вернадский: «Научное знание, проявляющееся как *геологическая сила*, создающая ноосфе-

ру, не может приводить к результатам, противоречащим тому *геологическому процессу*, созданием которого она является. Это не случайное явление – *корни* его чрезвычайно «глубоки»⁸ (курсив мой. – Ю. В.). Обратите внимание на лексику. И разве конструкция геосфера – биосфера – ноосфера – не Гора? Разве это не базовая архитектоника всей научной системы Вернадского? И ни один эволюционист не обходится без таких краеугольных понятий, как «лестница существ» (о ней заговорил еще Аристотель), «эволюционное древо» и даже «великое Древо Жизни»⁹.

Вы возразите: Древо и Лестница – не Гора. Ну так смею вас заверить, что в мифологиях самых различных народов Мировое Древо и Мировая Гора, что называется, контаминируются, то есть эти символы накладываются друг на друга, и Древо есть Гора, а Гора – Древо. И Лестница и Река – тоже Гора. Сами посудите, кому нужна горизонтальная лестница; и разве может быть река без горы: откуда ей течь-то?

Не столь важно, как ты представляешь себе Мировую Горю – горой, деревом, лотосом, рекой или лестницей; важно признать ее как символ, метафору и понятие.

В философии увидеть Горю – значит начать строить систему.

§ 25

Условие второе. **Путь учрежден.**

Есть целая религия, название которой можно перевести на русский язык как «путианство»; я имею в виду китайский даосизм, ибо, хотя Дао имеет много смыслов, «Путь» – основной, центральный из них. Система правил духовной подготовки для вступления в члены суфийского ордена называется «тарика», что в переводе буквально означает «путь», «дорога». Древнееврейское, ветхозаветное «дэрэк» – многозначное слово, но прежде всего «дорога», «путешествие», «предприятие», «поведение». И когда апостол Фома спросил Христа: «Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?», Иисус ответил: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня»¹⁰. На первом месте «путь», и Сам Христос – Путь. И если русское слово «воскресение» перевести на греческий, а затем снова начать переводить на русский, то получим целую гамму путевых и путеносных смыслов и символов: «воздвижение... восстановление... выступление... переселение... пробуждение от сна... восстание из мертвых, воскресение»¹¹.

В искусстве Путь – едва ли не основная макрометафора. Странствуют подавляющее большинство литературных героев: Одиссей, Эней, Данте (как главный герой «Божествен-

ной комедии»), Король Лир и Гамлет, Фауст и Вильгельм Мейстер, Дон Кихот и Дон Жуан, Онегин, Печорин, Чичиков, Болконский, Безухов и Нехлюдов. Странствуют не только в географическом пространстве, но прежде всего в пространстве духовно-временном, меняя свои взгляды и убеждения, взрослея или молодея душевно, порой даже телесно преображаясь. Всю мировую музыку можно определить как путь чувств и звуков. И если кто-то возразит мне, что в живописи, скажем, нет пути и какой такой путь может быть в натюрморте, я спрошу его: а что такое перспектива? И кому нужна живопись, которая лишена всяческого движения, сама никуда не идет и вас оставляет в духовной неподвижности?

И что такое научное понятие эволюции, научное понятие истории? И что такое психология без понятия пути? «Передо мною высокая гора. Это цель моей жизни. Я вижу ее, думаю о ней, хочу достичь ее, но взойти на эту вершину хочу самостоятельно. Я уже поднимаюсь, делаю первые шаги; и чем выше ступает моя нога, тем более широкий горизонт открывается мне, тем больше я вижу людей, тем больше познаю их, тем больше людей меня видят. От величия и безграничности того, что мне открывается, делается страшно...» Вы полагаете, это какой-то мистический поэт или поэтический мистик написал? Божественно безумный Гельдерлин? Вакхически одержимый Ницше? Нет, эти строки принадлежат закоренелому коммунисту, вдохновенному дуалисту, учив-

шему детей одновременно нежнейшей любви к ближним и священной ненависти к врагам, самородному украинскому учителю и психологу В. Сухомлинскому. И он свое видение «материалистически» объясняет: «Вот что сказал бы подросток, если бы он умел сказать о том, что его волнует, и если бы – самое главное – он захотел откровенно обо всем сказать»¹².

Путь учрежден, и, как вы уже, наверное, заметили, он ведет в Гору.

В религиях он символически разделяется на ступени. Их в разных религиях по-разному называют: «станции», «стоянки», «состояния». Но мне больше нравится слово «ступени». Вспомним сон Иакова: «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней»¹³. Раз «лестница», значит, «ступени». И греческие отцы церкви о «ступенях» говорят. Буддизм хинаяны перечисляет шесть последовательных ступеней, буддизм махаяны – уже десять, а если верить Такуану, этих ступеней – целых пятьдесят две.

В искусстве ступени я предпочитаю называть «кругами» – Данте как-никак предложил и тщательно метафорику кругов разработал.

В науке – стадиями.

В философии же такое восприятие мира как стадийного, ступенчатого и восходяще-кругового Пути я понимаю

§ 26

Условие третье. **Изменяющийся Восходитель.**

В буддизме восходящий по «десяти ступеням» прежде всего меняет свое мироощущение, постепенно начинает видеть то, что для обычного человека скрывается за «делами и вещами», проникает внутренним взором в сущность других людей, расширяет свободу действий, вспоминает и помнит о предыдущих своих жизнях и наконец обретает совершенную свободу, непривязанность к чему бы то ни было¹⁴. Не только духовно, но и телесно **преобразился** Моисей, взойдя на гору Синайскую. Главным образом телесно преобразился Иисус перед тремя своими апостолами, ибо разве нуждался Он в духовном преображении? Но техника, так сказать, преобразования, суть его в разных религиях почти одинаковые. «Я шел с тем, чтобы постигнуть Бога. С этой мыслью, отрешившись от вещества и вещественного, собравшись, сколько мог, сам в себя, восходил я на гору...» Кому принадлежат эти строки? Буддисту? Суфию? Христианину? Попробуйте сами догадаться, а потом посмотрите соответствующую сноску¹⁵.

Преображение для восходящего по религиозному склону и **превращение** для тех, кто восходит руслом искусства. Тысячи лет назад, когда возник едва ли не первый собственно

художественный жанр – сказки, герои их сразу стали превращаться: животные – в людей, люди – в животных, в растения. И до сих пор превращаются. В мерзкое большое насекомое превратился герой Франца Кафки; и сама повесть называется «Превращение». Я не знаю ни одного крупного литературного произведения, где бы этих превращений вообще не было; чтобы король не стал нищим («Король Лир»), меланхолический поэт – расчетливым и вдохновенным убийцей («Гамлет»), доверчивый влюбленный – ревнивым безумцем («Отелло»), холодный и циничный эгоист – пылким и самоотверженным влюбленным («Евгений Онегин»)… «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты». Тут каждая строчка, каждое слово превращением дышит и превращение в нас творит. Тут сам русский язык вступает в круг каких-то таинственных превращений, и, если эти гениальные стихи перевести на английский, на французский, на немецкий, все исчезнет, и банальность получится (поверьте, я внимательно читал самые удачные переводы).

Музыка как искусство самое чистое, как искусство искусств – это ведь сплошное превращение, даже с физической точки зрения: как только звук сменяется звуком (простите, частота – частотой), музыка рождается, и умирает, когда Превращение останавливается.

Превращаются и сами художники. «…Тот, кто хочет создать великое, должен сначала *так создать себя самого*

(курсив мой. – Ю. В.), чтобы, подобно грекам, быть в состоянии низшую, реально существующую натуру поднять на высоту своего духа и сотворить то, что в природе, из-за внутренней слабости или внешнего препятствия, осталось всего-навсего намерением»¹⁶. Так объяснял Гете, который знал толк в превращениях. А вот Пушкин: «Но уже импровизатор чувствовал приближение бога... Он дал знак музыкантам играть... Лицо его странно побледнело, он затрепетал как в лихорадке; глаза его засверкали чудным огнем...»¹⁷.

Но тут – тонкость, и мы обязаны соблюсти с вами философскую осторожность. Пушкин описывает почти что преобразование. Но это не преобразование. Окончив свою вдохновенную импровизацию, итальянец подойдет к Чарскому и будет цинично рассуждать с ним о заработанных деньгах и публике-дуре. Религиозное же преобразование изменяет все внутреннее и внешнее существо человека если не навсегда, то надолго. Художественное превращение мимолетно, это лишь игра в преобразование с самим собой, со зрителем (читателем, слушателем): хочу ангелом явлюсь вам, но в следующую минуту – дьяволом, и чем больше будет во мне одновременно ангельски-дьявольского, тем лучше я актер; шекспировский Яго, конечно, злодей и подлец, но гениальнейшим образом, на мой взгляд, проник в суть искусства, назвав Дездемону «светлой дьяволицей».

Научные восходители изменения жизни на Великом Пути называют чаще всего **трансформациями**, а сам процесс

– трансформизмом. При этом их, естественно, интересуют, так сказать, объективные изменения, которые я бы предпочел именовать морфологическими, структурными, функциональными – то есть теми, которые поддаются измерению и схематизации.

§ 27

Философские восходители, как я понимаю, сам процесс этих преобразований именуют диалектикой. Слово «диалектика» меня вполне устраивает, и я не собираюсь изобретать никаких собственных слов. Но сразу должен предупредить: под диалектикой я понимаю не только философский подход и умозрительное представление о трансформации-превращении-преображении, но и механизм этих изменений, процесс их, сущностное их содержание. Тут я полностью согласен с Гегелем, что диалектический метод не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, что его нельзя привнести извне, а можно лишь вывести, извлечь из самого предмета.

§ 28

И то же самое спешу сказать о методах историзма и системности, которые для меня суть намного большее, чем

просто методы, не только истина, но путь и жизнь. И как весьма условно мы можем говорить отдельно о системности, отдельно об историзме и отдельно о диалектике, прекрасно понимая, что все они теснейше взаимосвязаны и органически сопряжены, так и Гору, Путь и Восходителя нужно представлять себе и можно исследовать лишь в тройственном их единстве, обязательно, ибо убери одну, любую, часть этого трехчлена, и все представление наше разрушится. «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней». Что тут можно убрать, не разрушив общей картины?

То же самое в искусстве.

Об этом, надеюсь, мы с вами договорились, априорно, как любят иногда выражаться философы.

Можно отправляться в путь?

VII

Нет. Недостаточно одной потребности к восхождению. Не знаю, как вам, но мне для того восхождения, которое я задумал, нужны помощники. Никак без них не обойдусь.

§ 29

В альпинизме такие помощники называются «шерпами». Ни одна серьезная экспедиция без них не обходится. По крайней мере, не обходилась ранее. Особенно в Гималаях.

Эти самые шерпы тщательно изучали опыт предшествующих восходителей, предварительно исследовали местность, разрабатывали наиболее перспективные маршруты восхождения, заранее отмечали наиболее опасные участки пути, руководили тренировкой альпинистов в базовом лагере, их акклиматизацией, рекомендовали необходимое снаряжение и т. д. Во время самих восхождений одни шерпы прокладывали маршрут через ледопады, другие переносили грузы, третьи отвечали за баллоны с кислородом, четвертые – за радио- и фотоаппаратуру, пятые – за медикаменты, шестые – за вьючных животных и т. п. Все это делали шерпы, и целый караван иногда отправлялся из нижнего лагеря, от лагеря к лагерю уменьшаясь в числе; вершины достигали единицы, но шерпы как бы возносили их туда, словно многоступенча-

тая ракета-носитель, которая, однако, не отпадала совсем и не сгорала за ненадобностью, а оседала на склоне восхождения, в многочисленных лагерях; и там вас ожидают, там за вами наблюдают, греют вам палатку, готовят еду и в любой момент готовы прийти на помощь. Можно, разумеется, отказаться от помощи шерпов, и некоторые горделивые смельчаки отказывались, но, как правило, тот, кто жалел денег и славы на шерпов, не жалел своей жизни, и в лучшем случае слава была посмертной, а в худшем – бесславно и безвестно исчезали они на склонах коварной горы.

Не хочу так исчезнуть и без шерпов, обещаю вам, ни за что из лагеря не выступлю.

§ 30

Шерпы бывают разные, и надо отличать их вклад в восхождение того или иного альпиниста. Вспомните «Божественную комедию». Там много шерпов подвизаются, но лишь одного из них, Вергилия, Данте называет «учителем», «вожатым», «вождем». Вергилий руководит каждым шагом Данте, поддерживает его физически и духовно, оберегает от опасностей, защищает от злых сил, наставляет, объясняет, вдохновляет, и Данте покорно и благодарно подчиняется его руководящей воле, его мудрости и опыту, а теряя из виду Вергилия, пугается, как дитя... Если он, Данте Алигьери, величайший, дерзновеннейший и горделивейший из извест-

ных мне духовных восходителей, и шагу не мог ступить без Вергилия, то мне таких руководителей надо по меньшей мере четыре: в науке, искусстве, религии и философии.

Помимо руководителей мне нужны еще напарники (спутники, провожатые). В «Божественной комедии» они довольно часто помогали Данте и Вергилию, указывали путь, объясняли устройство Горы: поэт Сорделло сопутствовал по уступам Предчистилица, представлял великие тени в Долине земных властителей; римский поэт Публий Папиний Стаций, присоединившись к Данте и Вергилию в пятом круге Чистилица, провожал до Земного Рая. И хотя услугами своих напарников я буду пользоваться не столь бесстрашно, безропотно и беззастенчиво, как распоряжениями вожатых, уже сейчас ясно, что провожатых у меня должно быть намного больше, чем руководителей.

И еще больше мне потребуется так называемых «носильщиков», то есть носителей самых разных представлений, методов и способов исследования, теорий, гипотез и «мнений» (в платоновском понимании этого слова). Их сотни в «Божественной комедии»: они повествуют о своей горестной судьбе (вспомним во втором адовом круге Франческу да Римини, от беседы с которой Данте лишился чувств), пророчествуют (едва ли не во всех кругах Ада и Чистилица), объясняют историю (Гуго Капет). И все, даже немотствующие, даже неразличимые в «чаше душ людских»¹⁸, все они свидетельствуют об устоях Великой Горы и правилах Всемирного

Пути.

Но сразу давайте договоримся, что руководителей, напарников и носильщиков мы будем четко отличать друг от друга. Их и в «Божественной комедии» трудно перепутать, а я на всякий случай уточню:

НОСИЛЬЩИКОМ может оказаться кто угодно, даже «адская душа» (то есть исследователь, совершенно мне чуждый и по выводам, и по методике), он может к пропасти идти, я чувствую, что он рухнет туда и непременно, но слежу за ним самым внимательным образом, чтобы выяснить, как люди в пропасть попадают, и чтобы самому туда не низвергнуться;

напарники – это те люди, которые будут помогать нам лишь на определенном отрезке пути, лишь в конкретной области и до определенного предела, за которым пользоваться их услугами, идти с ними в одной связке уже небезопасно, а иногда даже попросту смертоносно для духовной экспедиции;

руководителям же – этим я доверяю, на них опираюсь и за ними слеую на всем протяжении пути. Как Данте шел за Вергилием...

Когда Данте дошел до Земного Рая, Вергилий сообщил ему:

...ты достиг земли

Где смутен взгляд мой, прежде безупречный.

Тебя мой ум и знания вели;

Велик Вергилий, четко знающий свой горний предел! Блажен ученик, которого собственный любимый учитель предупредил: не ходи дальше со мной, ибо

Царь горних высей, возбраняя вход В свой город мне, врагу его устава, Тех не впускает, кто со мной идет²⁰.

Трижды велик и блажен Данте, знающий заранее, что дальше его ждет и наставит, вдохновит, восхитит божественная Беатриче!

Мне, похоже, самому придется определить, почувствовать, догадаться, в каком месте необходимо покинуть руководителя, с благодарностью с ним расстаться, чтобы затем опять сойтись, когда вновь можно будет на него опереться. То есть, выходит, не только к напарникам надлежит мне относиться с осторожностью, но и у руководителей брать далеко не все из того, что они предлагают. Иначе буду примерным учеником, но восходителем не стану, с Беатриче не встречусь; она ведь у каждого своя и является лишь смелым, свободным, одиноким.

Напарников я долго и тщательно подбирал, подбираю и буду подбирать.

Руководители же мне были посланы.

§ 31

Учителя – так я буду именовать своего руководителя в науке – Учителя моего зовут Павел Васильевич Симонов. Он физиолог, а точнее, психофизиолог, он академик и в научных кругах человек весьма известный. Теми замечательными открытиями, которые он сделал на своем научном восхождении. В дальнейшем я подробно на них остановлюсь, постоянно буду на них опираться. А сейчас... Как бы это убедительнее вам преподнести?..

Видите ли, штука в том, что академик Павел Симонов – мой родной отец. Вы понимаете, что я хочу сказать? Даже если сейчас вас ничего не смутило, то дальше, когда вы начнете знакомиться с моими научными напарниками, половина из которых признанные гении, когда я назову вам других своих руководителей, которые уже не просто гении, а сверхгении, тут у вас запросто может явиться мысль, и мысль с социальной точки зрения весьма оправданная: ишь, сукин сын, куда своего папашу запихнул, в такую-то компанию! Она у меня самого не раз являлась, эта мысль.

В свое оправдание могу повторить то, что я уже сказал: Учителя не выбирают. А если вас это оправдание не удовлетворяет, добавлю: не в том моя задача, чтобы определять, кто кого гениальнее, и всех их расставлять согласно общепринятой, социо-культурной табели о рангах; кто мне больше

других поможет при восхождении, кто точнее направит, безопаснее и дальше поведет, всесторонне вооружит – тот и руководитель. Или я не прав? Поверьте мне пока на слово: без ученого Павла Симонова мне даже в тренировочном лагере делать нечего.

Если же и этот аргумент не подействует, тогда давайте так скажем: ну, не повезло человеку, и ученый, который духовно самый близкий ему, который своей научной системой лучше других объясняет сложнейшие явления жизни, помогает ответить на вопросы, на которые другие либо вообще не желают отвечать, либо отвечают фрагментарно, туманно, неубедительно, – этот самый ученый ему еще и физиологический отец.

Что же мне теперь, господа, и чаю не пить?!

§ 32

В искусстве **Вожатым** (художественным руководителем) мне был послан Достоевский.

В шестнадцать лет завладел он мной, и с тех пор я все искусство – и шире, шире – воспринимаю с помощью Достоевского, через Достоевского, а правильно или неправильно, не мне судить. Хотя – как это не мне?! Я, помнится, уже говорил, что искусство принципиально и сугубо индивидуально, и я – высший в нем судья, и вы – высший, и в разговоре об искусстве не может быть учителей и учеников, старших и

младших, начальников и подчиненных, потому что все равны и все – высшие, все – полномочные присяжные, и если один скажет «нет», судья не посмеет присудить высшей меры. Хотя я понимаю, что мой юношеский Иван Карамазов намного примитивнее того, который сейчас во мне живет и меня вдохновляет, все же и он не «ниже», он, юношеский, может быть, намного искреннее, ярче, непосредственнее и первозданнее моего теперешнего Ивана; стало быть, юношеского Ивана мне непосредственно Достоевский подарил, а к нынешнему, зрелому, якобы непримитивному, «игумен Пафнутий руку приложил», то есть кто-то другой над ним поработал и что-то свое добавил: частично, может быть, Данте, частично – Гете, Толстой или Чехов, Гоголь или Гофман, Стриндберг, Томас Манн, Соловьев, Бердяев, Босх, Эль Греко, Бетховен, Вагнер. Стало быть, и я не судья моим Иванам, моим Джокондам, тем разным чувствам-образам, которые вызывала и вызывает во мне Сороковая симфония, и скорее они меня судят, а не я их.

Мне кажется, что Достоевский все лично для меня написал, а Толстой – уже не все, и за Наташу Ростову, за старого князя Болконского, если кто-то начнет забирать их у меня, я глаза выцарапаю, как кошка за котенка, но, скажем, ради Анны Карениной я уже не пойду, пожалуй, на такие крайности, а захотите отобрать у меня Нехлюдова – берите, не обижусь. Но у Достоевского ни одного персонажа вам не уступлю, даже самых третьестепенных, какого-нибудь боксера Келлера

или дурака Фердыщенко; этот самый Фердыщенко мне, поверьте, не менее дорог, чем сам князь Лев Николаевич Мышкин, а может, и дороже и ближе великого и прекрасного идюта. «Бедность, милостивый государь, не порок, но нищета, нищета-с, милостивый государь...» Вот-вот, заберите у меня вечно пьяненького Мармеладова, и я враз обнищаю. Честное слово! Я русским чувствовать себя перестану. И полезут в меня со всех сторон разные фаусты, аладдины и буддийские монахи.

По всей логике вещей художественным моим вожатым должен бы быть Данте: в истории мировой литературы нет более крупного горвосходителя, тончайшего знатока кругов бездны, уступов Горы и сфер Неба; сам взошел, а затем спустился и описал – грандиозный поэт, великий богослов, замечательный для своего времени психолог и ученый.

Если не Данте, то Гете. В истории литературы, всего искусства не было гениального художника, который вместе с тем был бы еще и великим ученым в самом строгом смысле этого слова. Я преклоняюсь перед Гете. Я замороженнозираю в солнечный сумрак, в котором вечно уходит вверх и ввысь гордый, величайший, дьявольски божественный флорентиец Алигьери. Но...

Достоевский и только Достоевский!

Нелогично? Стало быть, в художественном своем движении я на правильном пути.

§ 33

В религии у меня сразу пять будет **Вождей**: Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Максим Исповедник и Григорий Палама. И не потому пять, что тут я не смог выбрать или меня не выбрал кто-то один. Как тут выбирать, когда тринитарное мышление оформляли в своих трудах три великих Каппадокийца (Василий и два Григория), учение о двух природах Христа – Максим Исповедник и три Каппадокийца, о благодати – Григорий Палама плюс Максим Исповедник и три Каппадокийца. Они категорически неотделимы друг от друга.

Именно Пятеро святых, по моему ощущению, создали христианскую религию. Вернее, Откровение, данное Иисусом Христом и благовестуемое святыми апостолами и евангелистами, они взрастили как чудесный, благоуханный, животворящий своими божественными плодами сад, и сад этот очистили от сорняков, проложили в нем дорожки, по которым могут безбоязненно и не спотыкаясь ходить люди менее святые и образованные, чем эти Пятеро садовников, и обнесли этот сад догматической оградой, но для всех открыли: и для «эллинов», и для «иудеев», и даже для тех «индийцев» и «китайцев», которым надоест наконец воспринимать мир как галлюцинацию, а себя – как сплошную чакру или как сгусток «ци». То есть Откровение Христа, по моему ра-

зумению, всем было, и ко многим были послания апостола Павла, но гностики восприняли их по-своему, манихеи – по-своему, и разные сады разбивались, и разные породы маслин в них выращивались до тех пор, пока Пятеро не очертили спасительного круга, не воздвигли прекраснейшую из всех известных мне оград и не объяснили человечеству кротко, но твердо: вот вам Тайна, а за оградой – умаление Тайны, утеснение Пути и ущемление Жизни.

Помимо того что Пятеро довершили оформление христианской религии, они создали еще инструмент для умственного общения с Тайной.

Назову его пока условно **металогикой**. Но при этом скажу, что это еще и метапоэтика. И прежде всего – метамистика. Настаиваю на приставке «мета». Ибо мистиком был древний и примитивный Адам; египетские и вавилонские жрецы были уже весьма продвинутыми мистиками; гениальными мистиками были пророк Заратуштра, принц Гаутама и философ Платон.

Нет, после Рождества Христова состоялась в человечестве именно метамистика, выходящая за пределы самой развитой и изоощренной религиозной психики. Об этом, Бог даст, более обстоятельно и показательно поговорим в другой раз. А сейчас позвольте – о металогике Пятерых святых как ступени к их метамистике.

Логика и Тайна – две вещи несовместимые. И многие, уразумев это правило, радостно и угрожающе закричали:

к черту разум! в нем грех, своеволие, самодовольство, эгоизм, сатанинство. «Верую, ибо абсурдно!» К Богу надо идти с открытой душой и чистым сердцем, а разум блуждает и блудит, сворачивает и совращает. Но многие не спешили от разума отречься. Ведь сказано в Евангелии: «возлюби Господа Бога... всем разумением твоим»²¹. Как можно возлюбить разумением, от разума отказавшись? И можно ли, от всякой логики открестившись, верить в Логос? И в конечном итоге не сатанизм ли утверждать: «верую, ибо абсурдно»? Это вы Христа за абсурд почитаете, а если нет, то в кого абсурдно веруете?!

Но все понимали, что Тайна непознаваема, ибо, если она познаваема, то какая же она Тайна! И спорам не было конца. И все рассуждали, в общем-то, логически: и те, которые разум ценили, и те, которые призывали от него отказаться.

Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский между человеком и Богом, между правдой и Тайной перекинули мостик, создав (записав под божественным наитием?) православную богословскую систему, которую сами никогда системой не считали и тем более не называли ее мета-логикой. Но эта система – на самом деле, конечно же, мета-система – соединяла логическое со сверхлогическим, поэтическое с надпоэтическим, трансцендентально-мистическое с Тайной-Самой-По-Себе; они попытались – и мне кажется, им удалось – согласовать системное, диалектическое и историческое с Тем, Которое выше всяческих систем, диалектик

и историй, настолько выше, что нам по примитивности нашей кажется совсем даже и не-логическим (а на римском, еще более примитивном языке даже «абсурдным»); но это Сверхлогическое, в отличие от человеческих абсурдистов, не брезгует нашим разумом и нашей логикой, предлагает нам общаться и «всем разумением»; Оно бесконечно дальше от нас, чем самая отдаленная галактика, и в то же время Оно внутри нас, и мы – Его образ, и если, осознав бессилие нашей человеческой логики, но по-христиански снизойдя к ней, не отшвырнув ее ногой, а опершись на нее разумением, душой и сердцем, мы начнем возводить мост навстречу Истинному Бытию, Истинному Знанию и Истинной Свободе, то с каждым пролетом этого чудесного моста мы и подобием Его будем; и чем дальше, тем больше в подобие будем преобразоваться, тем истиннее будут наша жизнь, наше знание и наша свобода, и хотя никогда мы противоположного берега не достигнем, зато с противоположного берега нас быстрее услышат, легче помогут и богаче одарят.

Не время и не место сейчас подробно описывать эту, с позволения сказать, метасистему, предложенную Каппадокийцами и развитую Максимом Исповедником и Григорием Паламой, но поверьте пока на слово: в тринитарных спорах рождалась, помимо всего прочего, положительная западная диалектика, в христологических диспутах она уже родилась и окрепла, а исихасты и все те, кто в рамках истинного и продуктивного православия разрабатывали учение о благо-

дати и домостроительстве (металогіку «меона», божественных энергий, соборности и т. п.), довершили всю онтологию религиозного, художественного и философского знания. И научного, представьте себе! Ибо Нильс Бор признавался, что вышел на свое научное открытие принципа дополнительности, читая рассуждения датского богослова Кьеркегора о догмате Троицизма.

Прямую связь усматриваю между Каппадокийцами, Григорием Паламой и теорией относительности Эйнштейна.

Таковы мои Вожди, вернее, таковыми я представляю их себе и в дальнейшем постараюсь представить вам.

§ 34

В философии своего руководителя я предпочитаю называть **Возничим**. И если слово «возничий» вам вдруг покажется унижительным для верховного философа, то перечитайте платоновский диалог «Федр», и вы поймете, куда ведет метафора, поймете, что вовсе не об унижении идет речь, а о возвышении до ярчайших и великолепнейших сфер чистого философствования.

Так вот, в философии меня усадил на колесницу и повлек ввысь, вширь и вглубь *Иммануил Гегельгауэр*.

Не знаете такого философа? Ну так я вас с ним обязательно познакомлю. Я сам его не знал, пока мне его не послали.

§ 35

Я вам специально перечислил моих главных шерпов – Учителя, Вожатого, Вождей и Возничего, чтобы вы могли составить впечатление и решить для себя, стоит ли вообще со мной связываться, не угрожает ли это вашей научной, художественной, религиозной и философской безопасности, а может быть, ну его к лешему, этого Вяземского?!

А так как вы еще не отказались от моих услуг (то есть пока еще эту книгу читаете, не захлопнули ее и не выбросили), то позвольте мне предупредить вас.

VIII

– ...Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог. Тогда новая жизнь, тогда новый человек, все новое... Тогда историю будут делить на две части: от Гориллы до уничтожения Бога, и от уничтожения Бога до...

– До Гориллы?

Ф. М. Достоевский. Бесы

Прежде чем восходить к Христу, нам сперва придется спуститься к горилле и намного ниже горилл.

§ 36

Собакоголовая Скилла преграждает путь Одиссею; Мефистофель является в виде пуделя; Данте не пускают на холм и фактически загоняют в ад три животных: рысь, лев и волчица, над метафоричностью и даже символизмом которых веками ломают голову исследователи. Почему сперва так шокирует, а затем привлекает к себе животно-растительная психоделика Сальвадора Дали (см., например, «Сновидение, вызванное полетом пчелы вокруг плода граната, за секунду до пробуждения»)? И чье умиротворяющее влияние на раненую и усталую душу князя Андрея сильнее, кто больше исцеляет его дух от уныния и мертвящего цинизма: юная

Наташа Ростова или старый дуб, неожиданно зазеленевший на возвратном пути? И с какой стати Достоевский ту улицу, на которой собирались российские «бесы», назвал вдруг *Муравьиной*?

В религиях, особенно древних, боги, как правило, зооморфны (то есть представляются в виде животных или полуживотных) либо имеют свои животные атрибуты. В Древнем Египте, если я не ошибаюсь, только Птах изображался с человеческим лицом, а все остальные боги барано; львино; соколо; собако; коровье; крокодилоголовые. В Древней Греции блестящий солнечный бог, воплощение божественной красоты, покровитель искусств Аполлон соотносился с лебедем (ну, это понятно), но также с волком и даже мышью, Афина – с совой и змеей, Гера – с коровой, Дионис – с дельфином. В Индии черные муравьи почитались как священные насекомые.

В самых развитых религиях от животных тоже не смогли отказаться: Агнцем Божьим называют Иисуса Христа, в хлеву родился Он. Не просто опознавательным знаком, но сокровенным символом ранних христиан была рыба. В буддизме сегодня ты человек, а завтра, в следующем своем рождении, можешь стать волком, рыбой, муравьем, деревом. И это вроде наказание. Но буддийские монахи из монастыря Шаолинь десятилетиями создавали и веками совершенствовали так называемые звериные стили кэмпо (восточного единоборства) – «Тигр», «Обезьяна», «Олень», «Журавль». Пы-

таясь овладеть необычными дыхательными ритмами, якобы способствующими долголетию, даосские отшельники пристально изучали способы дыхания черепахи, аиста, ворона, жабы.

В гуманитарных науках без животных – как в доме без пола. Лев Гумилев строит свою теорию «пассионариев» и «пассионарности» на аналогии (только ли аналогии?) с поведением... саранчи. Арнольд Тойнби пишет об «анимализме» в историческом движении, имея в виду возврат человека вспять²². «Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя... Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя... Даже мудрейший среди вас есть только разлад и помесь растения и призрака... Так говорил Заратустра»²³.

§ 37

А я чем чаще этого Заратустру читаю-слушаю, тем больше у меня возникает вопросов. Сколько во мне от червя? Почему от червя, а не от тарантула (по тому же Ницше) или от муравья (раз я родился и вырос в государстве, в начале прошлого века захваченном «бесами»)?

Древняя китайская мудрость гласит, что не все люди есть в зверях, но все звери есть в людях. А в каких пропорциях

они во мне сидят, в каких моих проявлениях морды свои высовывают?

И вот мне любопытно и я спрашиваю: кто в этой морде, в этих харях моих виноват? Я сам или те животные, которые во мне живут и помимо моей воли мной распоряжаются? Я знал одного человека, который везде – от дачного забора до кремлевской стены – норовил оставить свое имя: «Здесь был Витюльник!» Но ведь подавляющее большинство животных метят свою территорию и на чужих территориях очень любят расписаться (где хотите, там и ставьте ударение). И пленительное, завораживающее пение соловья, как нам объясняют орнитологи, не что иное, как именно это самое: «Здесь сидит Витюльник, а ты, козел, вали отсюда!»

§ 38

Я чувствую, что морды во мне поднимаются из каких-то ужасных и темных глубин. Но когда всматриваюсь в глубины эволюции, то часто вижу там не только не ужасное, но величественное и грандиозное. Скажем, термитники выше египетских пирамид (пропорционально термиту и человеку).

А разве паутина – не шедевр ткаческого искусства? Разве не замечательные охотники волки? У муравьев, представьте себе, есть свое земледелие (они выращивают и возделывают грибницу) и свое молочное животноводство (весной выгоняют тлей на пастбище, стерегут их от хищников и воров, а

осенью водворяют своих «коровок» в зимние хлева). У шимпанзе некоторые исследователи обнаружили «широко представленную орудийную деятельность с элементами подготовки природных орудий» – то есть, например, травинки и тонкие веточки они используют для «ужения» термитов, с помощью разжеванных листьев, своего рода «губок», шимпанзе добывают воду из глубоких расщелин в древесных стволах²⁴. На девяносто восемь процентов у нас с ними общие гены, господа!

А какие примечательные образчики социальной организации я там, в животной глубине эволюции, встречаю. Бабуинами, например, управляет ни дать ни взять давешнее наше Политбюро: несколько старых самцов, каждому из которых любой молодой самец намылит шею, но вместе они – сила, опыт, власть, коллективный ум, честь и совесть бабуиньей эпохи. У крыс – не хочу проводить параллели, но у них, господа, кланы, во главе которых свои воры в законе (без кавычек, ибо они нас с вами обворовывают, некоторые только на наших дачах и квартирах кормятся и жиреют); братва внутри клана подобострастно послушна хозяину, зато если сойдутся, скажем, люберецкий клан с кланом солнцевским или серые русские с черными кавказскими (еще раз повторяю: тут без всяких параллелей, о крысах только речь идет, и я не виноват, что черные крысы в основном в южных краях обитают), так вот, если сойдутся они на стрелке, то разборки проводятся вдохновенно и, главное, без человеческого ли-

цемерия: никакой игры в переговоры, в посредничество – с визгом вцепятся и – с упоением: в клочья, в куски, в кровавые лохмотья.

Чем глубже в бездну, тем заманчивее для человеческих властителей. Наполеон обожал пчелу, везде велел ее изображать: на стенах, на императорском своем облачении, на троне. О муравьином генетическом послушании, биохимическом распределении социальных ролей, муравьиной железной поступи миллионов (настолько монолитной, беззаветной и согласной, что некоторые ученые предлагают считать отдельного муравья не особью, а клеткой – винтиком, по-нашему), – об этом идеальном общественном устройстве, которое ничем не разрушить, но которое все уничтожает на своем пути, мечтали и Сталин, и Гитлер, и Наполеон (пчелиная общественная организация весьма похожа на муравьиную), и древний Платон. Но, увы, недостигаемы для нас муравьиные достижения в социальной сфере, и даже Сталину до муравьиной царицы так же далеко, как мне – ну, скажем, до Канта.

§ 39

Когда я слышу, что у животных нет и не может быть культуры, я смотрю в эволюционную бездну и вижу, что щеголенок, воспитанный, допустим, среди канареек, поет по-канареечьи; неправильно выращенный жеребенок начинает уби-

вать молодняк; волки устраивают целую серию облав на оленей, в которых никого сами не убивают, а лишь обучают своих волчат охотиться; шимпанзенок, которому мать не показала, как строить на ночь гнездо, никогда потом построить его не сумеет. И тут мне, горделиво окаменевшему на своем человеческом пьедестале, вдруг начинают лезть в голову довольно живые вопросы: что же такое культура, если у нас она есть, а у животных отсутствует, вернее, чем наша культура отличается от того, иногда весьма разнообразного онтогенетического воспитания и обучения, которое я собственными глазами наблюдаю у высших животных? Когда одна крыса обнаружит яд и пометит приманку мочой или калом, то не только ее братья и сестры... Нет, лучше для убедительности процитирую великого ученого: «Знание опасности какой-то определенной приманки передается из поколения в поколение и надолго переживает ту особь, которая имела какие-то неприятности». И тот же ученый резюмирует: «Крыса пользуется теми же методами, что и человек: традиционной передачей опыта и его распространением внутри тесно сплоченного сообщества»²⁵.

Если «традиционная передача опыта» – не культура, то как тогда определить культуру? И почему вся наша великая культура бессильна перед крысиной «традиционной передачей»: ученые наши годами над ядами в лабораториях работают, а крыса в одночасье раскусила, и привет вам с хвостиком – из бездны бескультурья на вершину просвещения?

§ 40

до СИХ пор не могу получить от науки согласованного ответа на вопрос, что есть разум, интеллект, сознание. То есть я прекрасно ощущаю, что мой разум разительно отличается от животного. Но чем принципиально? Павел Симонов мне как-то объяснил, что животное не в состоянии передать информацию вне личностного контакта. Но я знаю, что часто на одной территории охотятся две кошки и ни разу при этом не сталкиваются, так как по пахучим следам-восточкам определяют не только, что территория занята, но и время, когда ее заняли; и если пахучие сигналы устарели, ослабли, то, стало быть, уголья уже не заняты и можно охотиться, вторая смена наступила. Конечно, если я напишу на табличке или высеку на камне «Охотничьи уголья Юрия Вяземского», моя информация будет намного надежнее и долговечнее. Но тогда выходит, что принципиально от кошки лишь грамотный человек отличается, а бесписьменный дикарь-охотник... что он, бедный, напишет, что сможет сообщить без личного контакта? И нюх у него не такой тонкий, и мочевого аппарат к несению пограничной службы плохо приспособлен. Остроумный исследователь канадских тундровых волков Фарли Моуэт пробовал и свидетельствует: очень неудобно десятки раз мочиться маленькими порциями²⁶.

«Все же главным предметом нашей гордости – абстрактным мышлением – они, по-видимому, не обладают», – пишет Владимир Бердников²⁷. Но с ним не соглашаются многие исследователи обезьяннего интеллекта²⁸. Даже специалисты по крысам говорят «о способности крыс к элементарному абстрагированию»²⁹. И как провести четкую, категориальную границу между «элементарным абстрагированием» и «абстрактным мышлением»?

То есть лично я прекрасно чувствую, что человек выше животного. Вот ведь стою и смотрю в бездну. Но тут, по закону Ницше, бездна начинает смотреть в меня, и я постепенно утрачиваю научную вестибуляцию.

§ 41

Тем более что мне особенно тяжело с нравственным самоутверждением перед лицом истинно звериного. Чем я хуже ящерицы, я понимаю и уже, помнится, писал. Но чем волк, который жену не бросает, детей своих не избивает, соперника не убивает и тем более не пытается, не превращает в раба, – чем он злее человека? Оленей, конечно, жрет в сыром виде и лапы перед жратвой не помыв, но, во-первых, ловит главным образом тех, которые для оленьей популяции никакого интереса не представляют и, скорее, угрожают ей (то есть больных, заразных, генетически ущербных), а во-вто-

рых, случись этому свирепому хищнику поймать поросенка, он тут же беднягу зарежет и не станет часами бить его железными прутьями, чтобы сосудики лопнули и кровушка мясо напоила, сальце напитала – еще живому поросеночку обязательно надо нежно и умеючи кровушку пустить, иначе ветчинка потом не будет умилительно розовой, упоительно тающей во рту... Не нравится вам пример из русской кулинарной культуры, так отправляйтесь во Вьетнам, где почти так же готовят любимейшее национальное кушанье из собак; где у живых еще обезьян ложкой вычерпывают... Нет, хватит! Не могу больше описывать преимущества человеческой культуры!..

§ 42

Я подвожу итог: несмотря на то, что философия давно уже обратила внимание на животных и хотя бы интуитивно ощутила тесную и сложную взаимосвязь животного мира и человечества, многие фундаментальные и принципиальные вопросы до сих пор остаются без ответа. И не потому, что вопросы эти преждевременны для нынешней стадии наших знаний. Вернее, они были преждевременны, когда в XVIII и XIX веках великие философы создали свои системы: зоология-девочка мало могла им помочь и инфантильной своей опрометчивостью, детским фантазированием часто лишь вводила в заблуждение. «На историю можно смотреть как

на продолжение зоологии», – предложил Шопенгауэр³⁰, но только лишь предложил, ибо, повторюсь, аналитическая зоология тогда только делала свои первые шаги и те – под стол философии.

А когда в XX веке зоология вступила в пору целеустремленной и творческой юности, тогда уже философы почти перестали строить всеобъемлющие системы. В результате сравнительное изучение животных и человека опять выпало из поля зрения философии: можно по пальцам пересчитать тех действительно философствующих, которые в том или ином объеме интересуются зоологией. Ученые, сделавшие значительные открытия в исследовании животного мира, не умеют или боятся возвыситься до метафизического их осмысления (даже такой талант, как Конрад Лоренц, философствует с опаской и часто непоследовательно).

Вот я и вынужден предложить вам отправиться в преисподнюю человеческую, чтобы, пройдя ее снизу вверх, попытаться затем перекинуть философский мост к человечеству и его истории.

§ 43

Давайте изучим тот гигантский подземный склон, на который опираются, который продолжают и наша физиология, и наша психика, и наше поведение. Если мы хотим получить более или менее точное представление о человеческой куль-

туре, то, как я понимаю, минимум небезынтересно, а максимум – совершенно необходимо сперва изучить то, что этой культуре предшествует и даже противостоит (лишь в одном согласны все так называемые культурологи: Культура – это не Природа, это, по сути, единственное отрицательное определение культуры, под которым они все подпишутся). Что предшествует? В чем и как противостоит? Без ответа на эти вопросы я лично не могу философски рассуждать о человеке.

А потом там, в бездне, разумеется, темно, но мир там примитивнее и элементарнее. Изучать поведение, скажем, крысиного вожака намного легче, чем исследовать поведение Наполеона. Намного проще научно рассматривать популяцию муравьев, чем анализировать цивилизацию Древнего Египта. Тут, полагаю, никто со мной спорить не должен.

То есть я предлагаю последовать совету опытных альпинистов и сперва попрактиковаться на более простой и в каком-то смысле подготовительной горке. Я обещаю, что в ходе этой нашей тренировки нам удастся освоить некоторые исследовательские методики, приобрести антропологические навыки и, надеюсь, обнаружить некоторые закономерности, которые потом нам весьма пригодятся, облегчат движение и усилят точность и зоркость взгляда – тогда, когда мы приступим наконец к исследованию человека и человечества.

IX

Согласны вы на такое предварительное путешествие? Готовы пойти со мной? Ну, тогда я вас еще раз обману.

§ 44

О животных как-нибудь в другой раз.

А сейчас мы с вами должны предварительно договориться: как будем путешествовать? по каким правилам? на каких основаниях будем двигаться? каким снаряжением и как будем экипированы? и почему этими средствами, методиками, приемами будем пользоваться, а не другими, предлагаемыми совокупным человеческим знанием?

...а тебе на дорогу

Пусть приготовят съестное, пускай им наполнят сосуды;
Пусть и в амфоры вина нацедят, и муки, мореходца
Снеди питательной, в кожаных, плотных, мехах
приготовят.

Тою порой я гребцов наберу; кораблей же в Итаке,
Морем объятой, немало и новых и старых; меж ними
Лучший я выберу сам...

Так говорила Афина, Зевесова дочь, Телемаху³¹.

Все это нам надо заранее приготовить, хорошенько воору-

житься.

Иначе, уверяю вас, никуда мы с вами не взойдем, и, даже если нас на вертолете поднимут и мягко высадят на заказанной высоте, ничего мы там и тем более оттуда не разглядим.

§ 45

Подозреваю, что у нас с вами объявится очень много критиков.

Но их я беру на себя.

Кстати сказать, почему-то мне кажется, что истинно философствующие, те, которые философией дышат, а не кормятся, посредством ее прежде всего самопроверяются, а не самоутверждаются, они-то нас поймут и даже поддержат. А для всякого рода филодоксов и филогномов у меня заранее припасен ответ внучатого ученика Сократа – Диогена Синопского. Однажды кто-то сказал ему: «Ты неуч, а еще философствуешь». А Диоген на это ответил: «Даже подделываться под мудрость – уже философия»³².

О своих потенциальных научных критиках я уже говорил, замечаний их не слышал, но уже знаю наизусть. И сразу всем им отвечаю: вы не ругайте нас за ошибки, вы их исправьте, а я вам за то буду благодарен. Наука от наших ошибок не пострадает, но она всегда страдала от нерешительности или нежелания совершить продуктивное аналитическое обобщение.

Настоящие художники, скорее всего, просто не обратят на нас внимания. Но разные искусствоведы, литературоведы и прочие «веды», которых скульптор Василий Симонов называл «искусствоведалш», те непременно вцепятся. Однако я призываю проявить к ним милосердие, учитывая, что люди они не очень счастливые: серьезные ученые их за своих не считают и всячески гонят от себя, а художники, музыканты, писатели, поэты – сами знаете, как они к ним относятся, к такого рода наставникам и критикам.

Неприменно накинута богословы. Но я вас сразу успокою: те, которые будут нам досажать, богословы незадачливые и в лучшем случае подавившие в себе живое и свободное мистическое чувство, а в худшем – ни черта не смыслящие в религии, вернее, зрящие в ней лишь страх, грех и сатану. Сколько раз покорителю Эвереста, Норгэю Тенцингу говорили: не ходи в горы, там демоны, чудовища, драконы, карающие всякого, кто осмелится, дерзнет, возомнит о себе. Но великий шерп не послушался и, стоя на вершине мира, молился богам, благодаря их за счастье, за красоту, за свободу. «Туджи чей» – так принято говорить у шерпов – «благодарю».

§ 46

Давайте и мы скажем перед восхождением: «Туджи чей». А я, с вашего позволения, произнесу молитву, с которой

начинает каждый день верующий православный.

«К Тебе, Владыко Человеколюбие, от сна восстав прибегаю, и на дела Твоя подвизаюсь милосердием Твоим, и молюся Тебе: помози ми на всякое время, во всякой вещи, и избави мя от всякия мирския злыя вещи и диавольскаго поспешения...»

Последнюю часть молитвы я произнес про себя, ибо так, говорят, действеннее.

А теперь в путь, в путь!

Туджи чей!

Господи благослови!

Вооружение одиссея, или Ормологическое введение в эволюционную антропологию Первая книга из цикла «Девятимерный человек»

Представление о потребности как о единственном первоисточнике активности поведения разделяется далеко не всеми авторами.

Павел Симонов

Не из сущности энергия, а из энергии познается бытие сущности, но не познается, что она такое.

Святой Григорий Палама

Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?

Я в изумленье; питья моего ты отведал и не был Им превращен; а доселе никто не избег чародейства,

Даже и тот, кто, не пив, лишь губами к питью прикасался.

Сердце железное бьется в груди у тебя; и, конечно, Ты Одиссей...

Часть первая Остров Огигия

§ 1

Вы помните, у Гомера? Изумительно красивый остров. Густые луга, полные фиалок и сочных злаков. Тенистые рощи тополей, сладко пахнущих кипарисов, загадочные заросли ольхи, в ветвях которой гнездятся рогатые совы, кобчики, бакланы. Четыре источника журчат светлыми струями. Грот, увитый виноградной лозой с тяжелыми пышными гроздьями. Сам бог Гермес удивился эдакой красоте, ибо:

...Когда бы в то место зашел и бессмертный
Бог – изумился, и радость в его бы проникнула сердце¹.

А в гроте том – прекрасная нимфа, «богиня богинь», дочь
небо-держателя Атланта, а некоторые говорят – самого сол-
нечного бога Гелиоса. Днем в окружении служанок она в
прозрачном серебряном одеянии сидит у ткацкого станка и,
работая над узорною тканью, оглашает окрестности голосом
звонко-приятным. А ночью горячо и нежно любит Одиссея,
обещая дать ему ни много ни мало – бессмертие и вечноцвету-
щую младость!

Что ж Одиссей? Как описать его радость, то блаженство,
которое он испытывает в объятиях прекраснейшей богини,
в предвкушении вечной жизни и вечной молодости?

Никак не надо описывать, так как никакой радости и ни-
какого блаженства нет:

хладный

Сердцем к богине, с ней ночи свои он делил принужденно
В гроте глубоком, желанью ее непокорный желаньем².

Днем же:

Он одиноко сидел на утесистом бреге и плакал;
Горем и вздохами душу питая, там дни проводил он,
Взор, помраченный слезами, вперив в пустынное море³.

Что он, не понимает своего счастья? не ценит несравненной красоты божественного существа, отдавшего ему тело и душу? Ценит и понимает. Знаю и сам, говорит он, что не можно

Смертной жене с вечно юной бессмертной богиней ни стройным

Станом своим, ни лица своего красотой равняться...⁴

Не нужно ему *такое* счастье, такое блаженство и такое бессмертие. Не *хочет* он их, а посему они для него – несчастье, вечная мука и вечная смерть.

...утекала медлительно капля за каплей

Жизнь для него в непрестанной тоске по отчизне⁵.

Когда из человека медлительно и тоскливо утекает жизнь, нужно ли ему бессмертие?

Все я, однако, всечасно крушась и печалюсь, желаю Дом свой увидеть и сладостный день возвращения встретить⁶.

Когда человеку так всечасно и сокрушительно хочется увидеть любимую жену и милого сына, что может предложить ему взамен даже самая нежная и самая прекрасная из

богинь? Она, прекрасно-наивная, пугает его «злыми тревогами» возвратного пути. Но, Боже мой, какая глупость пытаться запугать Одиссея.

Если же кто из богов мне пошлет потопление в темной
Бездне, я выдержу то отверделою в бедствиях грудью:
Много встречал я напастей, немало трудов перенес я
В море и битвах, пусть будет и ныне со мной, что угодно
Дню...⁷

Человек, страстно желающий видеть «хоть дым, от родных берегов восходящий», смерти не боится – «смерти единой он молит»⁸.

Огигия – остров потребностей. Семь лет «богиня богинь» Калипсо пыталась истребить в Одиссее самую неудовлетворенную и самую мучительную для него потребность. Тщетно. С каждым годом потребность видеть Пенелопу лишь усиливалась и возрастала.

Глава первая

Пенелопа

§ 2

Открытия, совершенные Павлом Симоновым в области физиологии и психофизиологии, настолько многообразны, глубоки и *продуктивны*, что их совокупность я не могу назвать иначе, как системой, Системой Симонова. Сам Симонов предпочитает именовать результаты своего научного творчества чаще «подходом», реже – «теорией», крайне редко – «учением». К этому его побуждают, как я понимаю, во-первых, природная скромность, а во-вторых, нежелание даже в самоопределении выходить за рамки чисто научного исследования. Но далеко не все наши желания выполнимы, наши опасения часто сбываются. То есть я хочу сказать, что Симонов перешагнул границы чистой науки и вступил в открытое поле метафизики. Философом он не стал, не имея для этого ни желания, ни соответствующего философского образования. Но уже давно его научным подходом интересуются главным образом именно философы. Его психофизиологическая теория фактически разделилась на несколько самостоятельных, но органически взаимосвязанных теоретических построений (теория эмоций, теория потребностей, теория психических структур, теория творчества). И можно все это, разумеется, назвать Учением, но не хочется: во-первых, потому что слово это в отечественной научной практике приобрело дурное послевкусие («учение Лысен-

ко», «марксистско-ленинское учение» и т. п.); а во-вторых, когда исследовательские подходы привели к формированию теорий, а эти теории составили некое научное целое, системно, диалектически и исторически описывающее и объясняющее внутренний мир человека и животного, то это нечто – разве оно не система? Если одному из десятков методов,

существующих в театральном искусстве, мы присвоили наименование «система Станиславского», то творение Симонова должно быть по меньшей мере Сверхсистемой.

I

§ 3

В системе Симонова нас в первую очередь должна заинтересовать **теория потребностей**.

Симонов положил потребность во главу угла, объявив ее движителем всякого индивидуального и коллективного поведения (человека и животного), регулятором эволюции, координатором истории и первоисточником творческого процесса как такового. Симонов показал, что в мире живых организмов нет ничего свободного или независимого от потребности, ибо «подобная «независимость» действия от потребности – лишь кажущаяся, поскольку действие продолжает побуждаться трансформированной, производной по-

требностью — вторичной, третичной и подобной по отношению к исходной»¹.

Назвав потребность «единственным первоисточником активности поведения»², Симонов дал ей научное определение. Потребность, говорит он, есть «специфическая (сущностная) сила живых организмов, обеспечивающая их связь с внешней средой для самосохранения и саморазвития... Сохранение и развитие человека – проявления этой силы...»³. В другом месте потребности объявляются «источником и побудителем активного освоения им (человеком. – Ю. В.) окружающего мира и познания самого себя»⁴.

Соответственно, «*поведение* — такая форма жизнедеятельности человека и животных, которая изменяет вероятность и продолжительность контакта с внешним объектом, способным удовлетворить имеющуюся у организма потребность»⁵.

Насколько хороши симоновские определения с *философской* точки зрения – другой вопрос, к которому мы еще не раз будем возвращаться. Но сейчас снимем шляпу, господа: впервые ученый определил то, что до него либо не желали, либо не умели, либо боялись определять другие!

§ 4

По Гегелю, все действительное – разумно. По Шопенгау-

эру, все действительное – неразумно. А как быть с Потребностью?

Симонов и здесь внес уточнение. Большинство наших потребностей не осознается нами, но некоторые из бездн человеческого естества возвышаются до освещенного круга сознания и там становятся осознаваемыми мотивациями.

Павел Симонов предлагает нам трехуровневую структуру психики. Это уже другая теория, **теория психических структур**. Но в системе Симонова она настолько тесно сопряжена с теорией потребностей, что, говоря о потребностях, надо постоянно иметь в виду и три психические структуры.

«Исторически случилось так, – замечает Симонов, – что неосознаваемое психическое (или бессознательное, досознательное, предсознательное и т. п.) превратилось в своеобразный «большой мешок», куда без разбора помещают все, что не осознается: от неосознаваемых субъектом влияний циркулирующих в крови гормонов на его психику до ответственных этапов научного и художественного творчества⁶. Чтобы устранить эту антропологическую ошибку, Симонов предлагает различать две очевидно не-сознательные психические структуры: подсознание и сверхсознание.

К сфере **подсознания** Симонов относит все то, что «было осознаваемым или может стать осознаваемым в определенных условиях», а именно: (1) хорошо автоматизированные навыки, (2) глубоко усвоенные социальные нормы, (3)

те проявления интуиции, которые не связаны с порождением новой информации, но предполагают лишь использование ранее накопленного опыта, (4) результаты имитационного поведения⁷. К содержанию подсознания Симонов иногда относит еще и «мотивационные конфликты, тягостные для субъектов»⁸.

К **сверхсознанию**, которое Симонов называет иногда «творческой интуицией», относятся первоначальные этапы всякого творчества: порождение гипотез, догадок, творческих озарений. «Функционирование сверхсознания, порождающего новую, ранее не существовавшую информацию путем рекомбинации следов полученных извне впечатлений, не контролируется осознанным волевым усилием: на суд сознания подаются только результаты этой деятельности»⁹.

Функции подсознания и сверхсознания, подчеркивает Симонов, принципиально различны; это различие возникло в процессе длительной эволюции¹⁰. Подсознание защищает сознание от лишней работы и непереносимых нагрузок. «Подсознание всегда стоит на страже добытого и хорошо усвоенного, будь то автоматизированный навык или социальная норма. Консерватизм подсознания – одна из наиболее характерных черт. Благодаря подсознанию индивидуально усвоенное (условно-рефлекторное) приобретает императивность и жесткость, присущие безусловным рефлексам»¹¹. В свою очередь, сверхсознание, «неосознаваемость творче-

ской интуиции есть *защита от преждевременного вмешательства сознания*, от чрезмерного давления накопленного опыта. Не будь этой защиты, здравый смысл, очевидность непосредственно наблюдаемого, догматизм прочно усвоенных норм душили бы «гадкого утенка» (смелую гипотезу, оригинальный замысел и т. п.) в момент его зарождения, не дав ему превратиться в прекрасного лебедя будущих открытий»¹². Порождение нового и преодоление существующих и общепринятых норм – вот две главные функции сверхсознания, соответственно положительная и отрицательная¹³.

Различно, по Симонову, и потребностное «тяготение» двух несознательных структур. «Подсознание тяготеет к витальным потребностям, к инстинктивному поведению. Это особенно ярко проявляется в экстремальных ситуациях угрозы индивидуальному и видовому (родительский инстинкт) существованию...» Сверхсознание же, «по-видимому, монополюльно принадлежит идеальным потребностям познания и преобразования окружающего мира». Оно «участвует в поиске средств удовлетворения витальных и социальных потребностей только в том случае, если там присутствуют элементы идеального»¹⁴.

Расширяя за счет сверхсознания сферу не-сознательно-го психического, Симонов, однако, ничуть не умаляет важность человеческого сознания. Да, сверхсознание порождает гипотезы, но «за сознанием остается функция отбора этих

гипотез путем их логического анализа и с помощью критерия практики в широком смысле слова»¹⁵. Именно сознание формулирует проблемы, ставит перед сверхсознанием исследовательские задачи¹⁶.

В симоновской трехструктурной психической модели сознание играет верховную роль, но лидерство его мгновенно тускнеет, едва на сцену бытия выходит ее величество Потребность. «Не сознание само по себе, – предупреждает Симонов, – и не воля сама по себе определяют тот или иной поступок, а их способность усилить или ослабить ту или иную из конкурирующих потребностей»¹⁷. В еще большей зависимости от потребностей находится сверхсознание, которое, как считает Симонов, работает лишь на доминирующую потребность¹⁸.

Запомним это, дорогой читатель: сознание и – более широко – психика лишь обслуживают наши потребности, обеспечивая их удовлетворение. «Cogito ergo sum» – это у Декарта. По Симонову: «Volo ergo sum, et cogito, et sentio».

§ 5

С двумя симоновскими теориями – потребностной и структурно-психической – теснейшим образом сочетается еще одна, **теория эмоций**. Именно с нее Павел Симонов начал свой метафизический путь, то есть шагнул за пределы

экспериментальной и теоретической физиологии и вступил в сферу аналитической психофизиологии, широких и продуктивных антропологических обобщений¹⁹.

Эмоция, по Симонову, есть функция актуальной потребности и вероятности ее удовлетворения²⁰. Будучи функцией, она не может быть самой потребностью. Эмоция не может быть и собственно психической информацией; оценку вероятности, разъясняет Симонов, субъект производит на основе врожденного и ранее приобретенного индивидуального опыта, произвольно сопоставляя информацию о средствах, времени, ресурсах, прогностически необходимых для достижения цели (удовлетворения потребности), с информацией, поступившей в данный момент²¹. Нельзя отождествлять эмоцию и с безусловным рефлексом, «поскольку один и тот же двигательный стереотип может сопровождаться вовлечением мозговых механизмов эмоций, а может осуществляться и без них»²².

Эмоции бывают положительными и отрицательными. Первые возникают «в ситуации избытка прагматической информации по сравнению с ранее существовавшим прогнозом (при «мгновенном срезе») или в ситуации возрастания вероятности достижения цели (если генез эмоции рассматривается в его динамике)»²³. Отрицательные эмоции представляют реакцию на дефицит информации или на уменьшение вероятности достижения цели²⁴.

Полемизируя со сторонниками так называемой «биологической теории эмоций», Симонов подчеркивает, что функция эмоций не сводится к простому сигнализированию о воздействиях, полезных или вредных для организма²⁵. Эмоции играют, по меньшей мере, три роли:

1. Они, говоря физиологическим языком, **подкрепляют** поведение, направляя его в сторону удовлетворения актуальной потребности, которую возможно удовлетворить. «Возрастание вероятности достижения цели в результате поступления новой информации порождает положительные эмоции, активно максимизируемые субъектом с целью их усиления, продлевания, повторения. Падение вероятности по сравнению с ранее имевшимся прогнозом ведет к отрицательным эмоциям, которые субъект стремится минимизировать, т. е. ослабить, прервать, предотвратить»²⁶.

2. В жизнедеятельности организмов эмоции играют роль субъективной системы ценностей. Здесь речь идет уже не о подкреплении, а о сопоставлении разных поведенческих ценностей (Симонов именует эту функцию «**переключающей**»). «Казалось бы, – пишет Симонов, – ориентация поведения на первоочередное удовлетворение той или иной потребности могла осуществиться путем непосредственного сопоставления силы (величины) этих потребностей, но в таком случае конкуренция мотивов оказалась бы изолированной от условий окружающей среды. Вот почему конкурируют не потребности, а порождаемые этими потребностями

эмоции, которые... зависят не от одной лишь потребности, но и от вероятности (возможности) ее удовлетворения»²⁷. Эмоции играют роль «своеобразной «валюты» мозга, универсальной меры ценностей, сами по себе этой ценностью не обладая. Здесь наблюдается аналогия с функцией денег»²⁸. Потребности и мотивы «вступают в конкурентную борьбу «в доспехах» положительных или отрицательных эмоций»²⁹.

3. Эмоции часто играют **компенсаторную** роль. Примером компенсаторной функции эмоций Симонов считает подражательное поведение, «характерное для эмоционально возбужденного мозга». «Когда субъект не располагает данными или временем для самостоятельного и вполне обоснованного решения, ему остается положиться на пример других членов группы»³⁰.

Подкрепляющая, переключаящая и компенсаторная (замещающая) – таковы, по Симонову, три основные функции эмоций. Но лично я в теории эмоций усматриваю еще две функции, представляющие для нас, как мне кажется, не меньший интерес. Условно пока назову их функцией **эволюционной** и функцией **обратной связи**.

Первая выражается в том, что положительные эмоции стимулируют развитие, а отрицательные – сохранение. Симонов говорит об этом предельно ясно: «Происхождение отрицательных и положительных эмоций связано с тенденциями сохранения и развития в эволюции живых систем. Сохра-

нение могло бы быть обеспечено одними отрицательными эмоциями, где прекращение наказания само по себе является наградой. Возможность пережить положительные эмоции побуждает стремиться к новизне, к неопределенности, к освоению новых пространственно-временных и интеллектуальных сред, искать неудовлетворенные потребности, активно нарушать достигнутое равновесие с окружающей средой»³¹.

«Искать неудовлетворенные потребности» – это уже, на мой взгляд, обратная связь: функция эмоции начинает активно воздействовать на саму потребностную сферу. Симонов на это прямо указывает: «Стремясь к повторному переживанию положительных эмоций, живые системы вынуждены активно искать неудовлетворенные потребности и ситуацию неопределенности, где полученная информация могла бы превысить ранее имевшийся прогноз»³². Например, сильный голод, переживаемый субъектом как отрицательная эмоция, побуждает удовлетворить его любыми съедобными веществами, лишь бы избавиться от мучительного состояния. Удовольствие, получаемое от пищи, требует ее разнообразия, поиска новых питательных веществ, их новых комбинаций и способов приготовления. То есть даже на уровне пищевой потребности «положительные эмоции играют *поисково-творческую роль*, содействуют освоению новых сфер окружающей действительности (курсив мой. – Ю. В.)»³³.

II

§ 6

Симонов не только поставил потребность во главу угла метафизического исследования животной и человеческой жизни, не только связал потребностное рассмотрение с вопросами о неосознаваемом и осознаваемом психическом, не только выявил роль эмоций и эмоциональных состояний в потребностно-информационном воздействии, – Симонов потребности **классифицировал**.

«Классифицирующим принципом», по утверждению Симонова, послужили для него идеи Вернадского и Ухтомского. «...Рефлексы³⁴ сформированы эволюцией таким образом, чтобы, появившись на свет, живое существо было способно занять свое место в геосфере (физически заселив ее), в био; а для человека и в социосфере среди живых существ своего и других видов, а также в ноосфере (интеллектуальное освоение мира), филогенетические предпосылки которой мы обнаруживаем в явном виде у высших млекопитающих животных. Освоению каждой из перечисленных выше сфер соответствуют витальные безусловные рефлексы, ролевые (зоосоциальные) рефлексы и безусловные рефлексы саморазвития»³⁵.

У Симонова есть еще один принцип классификации – исходность, или первичность потребностей. «Имеет смысл, – уточняет ученый, – классифицировать только исходные, не выводимые друг из друга и не сводимые друг к другу группы потребностей³⁶. Ибо помимо исходных потребностей существует еще бесконечное многообразие вторичных по своему происхождению, производных «квазипотребностей». «Так, биологическая потребность поддержания температурного комфорта порождает потребность в одежде, та, в свою очередь, нормирует потребность в производстве минералов для изготовления одежды, в создании соответствующей технологии, в организации производства и т. п.»³⁷.

§ 6а

Витальные (биологические) потребности³⁸.

К ним Симонов относит потребности в пище, воде, сне, температурном комфорте, защите от внешних вредностей и т. п.³⁹, а также потребность в экономии сил⁴⁰. В ранних своих работах к числу биологических потребностей Симонов относил и потребность в продолжении рода.

Два признака могут служить «дефинитивным критерием» витальности: (1) неудовлетворение потребности ведет к физической гибели особи, «биологические потребности не могут быть отложены на сколько-нибудь продолжительное вре-

мя»⁴¹; (2) реализация витальных потребностей не требует участия другой особи того же вида⁴².

§ 6б

Социальные (ролевые) потребности. Их костяк формируют две потребности: **принадлежать** к социальной группе (общности) и **занимать** в этой группе определенное (не обязательно лидирующее) **место**. «Субъект стремится к двум целям: слиться с социумом и иметь с тем выделить, отстоять свое „Я“»⁴³.

К проявлению социальной потребности Симонов относит и так называемый феномен **эмоционального резонанса**. Речь идет о потребности «прервать или предотвратить поток сигналов о неблагоприятном состоянии другой особи», которая имеет «только внутреннее подкрепление, сопоставимое с состраданием у человека»⁴⁴. Симонов призывает отличать феномен эмоционального резонанса от подражательного поведения, ибо в первом случае «животное-наблюдатель не повторяет действий партнера, но мотивируется исходящими от него сигналами»⁴⁵.

Не следует смешивать эмоциональный резонанс и с оборонительным поведением животных. Во-первых, как показали эксперименты на лабораторных крысах, животные-доминанты наиболее чувствительны к чужому крику боли, а

во-вторых, избавляют жертву от болевого раздражения, как правило, наиболее устойчивые к эмоциональному стрессу животные. «Таким образом, – резюмирует Симонов, – способность производить действия, избавляющие жертву от боли, нельзя рассматривать как простую оборонительную реакцию страха, вызванную сигналами оборонительного состояния партнера. При травматизации макак-резусов невроз развивается именно у низкоранговых обезьян-наблюдателей, которые менее способны к «альтруистическому» поведению. Иными словами, «страх за себя» скорее препятствует проявлению «тревоги за другого», чем определяет ее»⁴⁶.

К зоосоциальным потребностям Симонов иногда относит также **привязанность**, называя ее самостоятельной потребностью⁴⁷. «О значении привязанности как самостоятельной потребности свидетельствует возможность выработки инструментальных условных рефлексов у собак, подкрепляемых только лаской и речевыми одобрениями»⁴⁸.

Отличительные особенности зоосоциальных потребностей: (а) ролевое взаимодействие (в одиночку их не удовлетворить) и (б) меньшая, если угодно, неотложность удовлетворения социальных потребностей по сравнению с биологическими (крыса может дожидаться своей потребности в лидерстве и год, и два года, но два года не спать, не пить, не есть... – сами понимаете!).

Однако неотложность витальных потребностей не означа-

ет их неперемного господства над социальными. У животных с развитыми социальными потребностями при нормальных жизненных условиях социальные потребности господствуют над витальными. У крыс высокий ранг в группе обеспечивает преимущественный доступ к пище, местам отдыха и самкам⁴⁹. Даже после трех дней голодания у гамадрилов сохраняется распределение пищи в соответствии с иерархическим рангом. Только позднее они начинают бороться за каждую порцию пищи⁵⁰.

§ бв

Идеальные потребности (на животном уровне Симонов предпочитает называть их безусловными «рефлексами саморазвития»). Сюда прежде всего относится **потребность познания**, которая ведет свое происхождение от универсальной потребности в информации, изначально присущей всему живому. Удовлетворение любой потребности, подчеркивает Симонов, требует информации о путях и способах достижения цели. Однако существует потребность в информации как стремление к новому, ранее неизвестному, безотносительно к его прагматическому значению в смысле удовлетворения каких-либо биологических и социальных нужд⁵¹. «Положение о том, что нормальная жизнедеятельность требует притока из внешней среды не только веще-

ства и энергии, но и информации, подтверждают эксперименты, свидетельствующие о драматических последствиях «информационного голода», особенно для развивающегося мозга»⁵².

От потребности познания, порождающей исследовательское поведение, Симонов отличает другой «рефлекс саморазвития», проявляющийся в игровом поведении высших животных. Иногда он называет его **«игровой потребностью»**⁵³. Игровое поведение животных, требующее партнера, замечает Симонов, казалось бы, следует отнести к зоосоциальным рефлексам. Однако, продолжает ученый, в игре отсутствуют иерархические тенденции. Игровая борьба не содержит элементов конкуренции и полностью свободна от агрессивности. Ее единственное назначение – тренировка тех навыков и умений, которые понадобятся лишь позднее для удовлетворения множества витальных и зоосоциальных потребностей⁵⁴. У высших приматов появляется и манипуляционная игра с предметами, которая, по мнению Симонова, «способствовала формированию символического интеллекта»⁵⁵.

Характерные особенности группы идеальных потребностей:

1. Они не являются производными от других потребностных групп. Так, на основе безусловного исследовательского рефлекса физиологи вырабатывают у животных условные

инструментальные реакции, где единственным подкреплением служит возможность осуществлять исследовательскую активность. Более того, пищевое подкрепление ухудшает решение той или иной исследовательской задачи⁵⁶. Та же самая мотивационная самостоятельность наблюдается и у игровой потребности⁵⁷.

2. Рассматриваемые потребности имеют свои собственные механизмы подкрепления⁵⁸.

3. «Идеальные потребности, – утверждает Симонов, – не вызывают отрицательных эмоций»⁵⁹.

4. Наконец, «достижение идеальных целей может быть отнесено и к отдаленному будущему»⁶⁰.

Такова в самых общих чертах потребностная триада у животных.

§ 7

У человека **витальные** потребности классифицируются Симоновым почти так же, как у животных, разве что неоднократно подчеркивается их мощная «социальная опосредованность», и, разумеется, они уже нигде не именуется безусловными рефлексам.

Среди **социальных** потребностей мы опять-таки встречаем уже знакомые нам потребности принадлежать к социальной группе и потребность занимать в этой группе опре-

деленное (не обязательно лидирующее) место⁶¹.

Заметные изменения претерпевают «эмоциональный резонанс» и «привязанность». «На базе механизмов «эмоционального резонанса», – замечает Симонов, – в процессе биологической, а позднее социально-исторической эволюции сформировалась поразительная способность человека к *сопереживанию*, к постижению субъективного мира другого существа путем его переноса на свой собственный мир. Тем самым оказалось возможным познание тех сторон действительности, которые в принципе недоступны дискурсивному мышлению, опирающемуся на систему вербализуемых понятий»⁶².

На человеческом уровне Симонов особенно выделяет **потребность следовать нормам**, считая ее безусловно социальной⁶³. К социальной группе добавляется **потребность в идеологии**, «нормирующая удовлетворение всех других витальных, социальных и духовных потребностей человека»⁶⁴.

Безусловные рефлексy саморазвития у человека приобретают форму «**идеальных** потребностей познания окружающего мира и своего места в нем, познания смысла и назначения своего существования на земле...»⁶⁵. Первые две потребности удовлетворяются соответственно наукой и искусством. Третья – религией? Нет, Симонов довольно упорно избегает этого утверждения, вместо религии выдвигая философию, но с оговоркой: «если рассматривать последнюю не в

качестве отрасли науки, но как выработку общего мировоззрения, частный случай которого представляет религиозное сознание»⁶⁶. Воздержусь пока от комментариев, так как сейчас мне намного важнее изложить воззрения самого Симонова, чем заявлять о своем несогласии с некоторыми из них.

Крайне важно для нас отношение Павла Симонова к искусству. Ученый определяет искусство как «специфическую разновидность познания человека, его внутреннего мира, его взаимодействия с постигаемой и преобразуемой им действительностью»⁶⁷. «Воспроизводя в произведениях искусства действительность и предлагая эти модели себе и другим, – пишет Симонов, – человек проверяет, что именно радует его или отталкивает, что заставляет восхищаться или негодовать, что следует беречь и поддерживать, а что подлежит отрицанию и переустройству. Искусство дает человеку уникальную и в сущности единственную возможность увидеть мир глазами других людей, непосредственно убедиться в человечности своего восприятия мира»⁶⁸.

Филогенетической предпосылкой искусства Симонов считает, главным образом, потребность в подражании⁶⁹.

§ 8

Не удовольствовавшись проведенной классификацией, Симонов обращает наше внимание на то, что он называет

«гибридными потребностями».

Вы, наверное, заметили, что потребность в продолжении рода, с одной стороны, определенно социальна и ролева (для своего удовлетворения требует партнера, затем появляются дети, возникает семья и т. п.). Но, с другой стороны, что может быть биологичнее полового влечения, что может быть витальнее инстинкта продолжения рода? К тому же на определенных ступенях эволюции размножение вовсе не требует полового партнера: какая-нибудь амеба просто делится на две части – и вся тебе «родовая функция». Однако выше по лестнице существ возникают сперва половые, а затем социальные взаимоотношения между разными индивидами, участвующими в продолжении рода. Учитывая это обстоятельство, Симонов и назвал половую потребность «гибридной», то есть частично витальной и частично социальной, образующей как бы мостик от одной группы потребностей к другой⁷⁰.

Похожее явление наблюдается в случае с «эмоциональным резонансом», который на определенной ступени эволюции требует от субъекта не просто резонанса, а *понимания* и *познания* того, с кем он эмоционально резонирует. То есть социальная потребность в сопереживании гибридируется с идеальной потребностью познания.

На человеческом уровне Симонов предлагает именовать потребности, возникающие на стыке витальной и социальной сфер, этническими, а на стыке социального и идеально-

го – идеологическими⁷¹.

§ 9

Дополнительные потребности. Симонов сам их так называет – «дополнительные» или «вспомогательные»⁷².

Предупреждаю, что тут нас ожидают некоторые классификационные затруднения.

Начать с того, что Симонов сперва объявляет о существовании двух дополнительных потребностей: потребности в вооруженности и потребности преодоления⁷³. А затем добавляет к ним еще две: потребность в подражании и потребность в экономии сил⁷⁴. Мне могут возразить: ну и в чем трудность? Было две – стало четыре, четыре и будем рассматривать. Трудность в том, господа, что мы их уже рассматривали: напоминаю, три потребности отнесены Симоновым к разряду идеальных, а одна объявлена витальной (потребность в экономии сил). Они, что, одновременно и базовые и дополнительные?

Классификационные затруднения на этом не заканчиваются.

Возьмем, например, **потребность в вооруженности.** Симонов говорит о явной самостоятельности этой потребности⁷⁵ и тут же сообщает нам, что «потребность вооруженности удовлетворяется с помощью двух основных безусловных

рефлексов: подражательного и игрового»⁷⁶. Стало быть, если удовлетворяется «с помощью», то несамостоятельна или не совсем самостоятельна?

Потребность в подражании вроде бы идеальна и познавательна (рефлекс саморазвития). Но зачем тогда именовать ее дополнительной? Она должна быть самостоятельной, ибо «подражательное поведение базируется на безусловном врожденном имитационном рефлексе»⁷⁷. Но ее слишком уж тесная взаимосвязь в системе Симонова с потребностью вооруженности и потребностью в игре как-то умаляет эту самостоятельность. И вообще, да простит меня Симонов, часто возникает впечатление, что все эти три потребности чуть ли не одно и то же. И почему Симонов считает, что подражание проявляется прежде всего в игровом поведении? А в исследовательском поведении подражание полностью отсутствует? И в том же самом исследовательском поведении, суверенно обособленном в симоновской классификации, разве не реализуется, хотя бы частично, потребность в вооруженности? Исследуя тот или иной объект, животное разве не вооружает себя знаниями о нем и способами обращения с ним?

«Потребность преодоления, обычно именуемая волей»⁷⁸. Перед нами совершенно оригинальное и, так сказать, авторское понимание воли. Симонов, во-первых, предостерегает нас против того, чтобы мы вслед за подавляющим большинством современных авторов рассматривали волю

как качество, производное от сознания. Этого нельзя делать, так как «при этом исчезает энергезирующий фактор, сила, побуждающая человека совершать продиктованные волей действия»⁷⁹. Этого не стоит делать, во-вторых, потому, что филогенетической предпосылкой воли является рефлекс свободы, открытый Иваном Павловым у высших животных⁸⁰. В онтогенезе человека рефлекс свободы превращается в потребность свободы, воля «первоначально обнаруживает себя в виде сопротивления ограничению двигательной активности, а позднее – в виде упрямства, стремления настоять на своем, достигнуть цели (например – забраться на ледяную горку), несмотря на многочисленные неудачи, даже в том случае, когда в этих попытках отсутствует элемент соревнования и успех означает только «победу над собой»⁸¹. В-третьих, потребность преодоления препятствий специфична и самостоятельна, так как способна порождать собственные эмоции⁸². Препятствие служит для нее не менее адекватным стимулом, чем корм для пищедобывательного поиска, боль – для оборонительной реакции⁸³.

Все это – крайне интересные систематические наблюдения, которые мы, разумеется, возьмем на вооружение. И лишь два небольших сомнения произвольно возникают у меня. (1) Почему потребность преодоления Симонов относит к идеальным потребностям? (Так выходит у него, когда, говоря о животных, он относит волю к рефлексам самораз-

вития⁸⁴), а эти самые рефлексy на человеческом уровне, как мы видели, трансформируются в идеальные потребности). (2) И так ли уж необходимо для нас отождествлять потребность в преодолении препятствий, потребность в свободе с явлением воли, принимая во внимание, что в течение более чем двух тысяч лет ученые и философы понимали и понимают под волей не просто стремление к свободе, а нечто намного более широкое и сложное?

И что такое «рефлексy саморазвития»: иное обозначение для идеальных потребностей (на животном уровне) или нечто особое и «дополнительное» к базовой симоновской триаде? Ведь если взглянуть на триаду с позиций теории эмоций, то «витальные, социальные и идеальные (познавательные) потребности, в свою очередь, делятся на две разновидности: на потребности сохранения и развития (потребности «нужды» и «роста» по терминологии англоязычных авторов)»⁸⁵. Триада становится диадой. Эти новые потребности имеют, по крайней мере, три признака различения. (1) Потребности развития инструментально обеспечиваются положительными эмоциями, потребности сохранения – отрицательными⁸⁶. (2) У них различное отношение к господствующей общественно-исторической норме удовлетворения: потребности сохранения удовлетворяются в пределах нормы, потребности развития превышают норму⁸⁷. (3) Они в конечном итоге соотносятся с двумя диалектически противоре-

чивыми тенденциями глобального процесса самодвижения живой природы: тенденциями самосохранения и саморазвития⁸⁸.

§ 10

Заканчивая краткое рассмотрение симоновской потребностной триады, хочу особенно подчеркнуть ее системность, ее гармоническую сочетанность в реальной жизни. «Явное преобладание биологических потребностей граничит с патологией, – замечает Симонов. – Даже в экстремальных ситуациях люди, как правило, сохраняют над ними социальный контроль. Абсолютное доминирование идеальных потребностей при полном игнорировании биологических и социальных встречается исключительно редко. Поэтому говорить, что одни из них «лучше», а другие «хуже», по меньшей мере, ненаучно»⁸⁹.

Триада находится в постоянном и непрерывном взаимодействии. «Если исключить период новорожденности и глубокую патологию мозга, у человека нет чисто биологических потребностей, поскольку их удовлетворение опосредовано влиянием социальной среды, очеловечено с самого раннего детства»⁹⁰. От себя добавлю: оно опосредовано не только социальной, но и идеальной средой. И все три среды – биологическая, социальная, идеальная – друг друга непрерывно

опосредуют. Гете, например, перед тем как сочинять, любил выпить шампанское: вино было лучших сортов, подавалось в хрустальном бокале изысканнейшей формы, подавал старый, преданный лакей в белых перчатках и расшитой ливрее. И попробуйте обвинить Иоганна Вольфганга Гете в излишней социальности или болезненной биологичности! Удастся ли? Союз советских писателей никогда не возглавлял и оставил после себя «Фауста», а не «Разгром»...

И я побоюсь вслед за Симоновым считать новорожденно-го чисто биологическим существом: ведь до сих пор неясно, когда человек начинает обучаться языку; а некоторые осторожные исследователи на всякий случай допускают, что мы начинаем познавать, играть и первые социальные отношения с матерью устанавливаем еще в материнской утробе. Гусенок, например, с матерью разговаривает за несколько дней до того, как вылупится из яйца. Неужто мы менее «социальны» и менее «идеальны»?

Симонов в каждой своей работе предупреждает, что нарушение диалектического взаимодействия потребностей приносит результаты, болезненные для индивида и опасные для его социального окружения. «Если в процессе конкуренции мотивов удовлетворение одной потребности будет происходить за счет другой, то неудовлетворенная породит отрицательные эмоции и поиск средств их устранения (сюда, в частности, следует отнести наркоманию). Поэтому забота о формировании гармонической личности требует заботы о во-

оружении всех естественных потребностей человека, чтобы эти потребности не нарушали цельность личности уродливыми трансформациями отдельных ее сторон»⁹¹.

III

§ 11

Важным элементом потребностной теории Симонова является **принцип доминанты**, или метод доминантного анализа. Вот о чем идет речь: человек состоит из множества потребностей, но они не равнозначны. Есть потребности, которые фактически определяют судьбу человека, главенствуют в индивидууме в течение если не всей жизни, то большей ее части. Скажем, для святого Серафима Саровского такой потребностью была – назовем ее пока собирательно – потребность религиозная. У Достоевского потребность в художественном творчестве явно господствовала над другими желаниями, наклонностями, стремлениями. Симонов – прежде всего ученый, и, хотя «ничто человеческое ему не чуждо», все же, как мне кажется, научное исследование ему было намного ближе, чем все остальное «нечуждое»: его развитая склонность к искусству, его многолетнее директорство, его патриотизм. Такое возобладание одной потребности над другими на протяжении жизни Симонов называет **доминан-**

ТОЙ ЖИЗНИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.